

САША ГОТТИ

ЖУАРА

1

Влада и заговор Тьмы

Саша Готти
Влада и заговор Тьмы
Серия «НУАРА», книга 1
Серия «Хроники темного
универа», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6352068

*Готти, С. Влада и заговор Тьмы : АСТ, Астрель-СПб; Москва, СПб;
2012*

ISBN 978-5-17-098771-9

Аннотация

В 13 лет еще рано так отчаянно влюбляться, узнавать темные тайны своей семьи и спасти мир от страшной угрозы.

Но разве Владу кто-то спрашивал?

Влада Огнева – обычная семиклассница из Питера. Через два дня она должна пойти в восьмой класс, но... ее ждет совсем другая судьба.

Ее ждут вампиры, тролли, упыри, кикиморы и Темный Универ, в котором не то, что учиться – выжить крайне сложно...

И еще ждут те, кто во Тьме, и с кем лучше никогда не встречаться. Темные силы затевают большую игру, стягивая вокруг Влады капкан интриг и зла...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	67
Глава 5	82
Глава 6	102
Часть вторая	119
Глава 7	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Саша Готти

Влада и заговор Тьмы

Пролог

Трансильвания, 1706 год

– Тьма надвигается, идет сюда... – прошептал худенький

юноша с перепуганными глазами, напряженно взглядываясь в лощину, задернутую ночным сумраком. — Отец! Я не уверен в своих силах...

— Он не уверен! — гневно загремел голос из ночной темноты. — Пока твои братья и сестры изучали магию, сражались с вампирами, ты носился по лесам за валькириями, веселился с троллями в их мерзких тавернах, яшился с нечистью, вместо того чтобы охотиться на этих тварей! А теперь вся нечисть, которую мы убили за все века, вышла в наш мир! Собери все силы, нас должно быть тринадцать! Тьма идет сюда, остались секунды!

Как только он это произнес, цикады, которые надрывались в высокой траве, смолкли, и ветер донес с отдаленных холмов полный ужаса и тоски собачий вой. Словно повинуясь незримому сигналу, лес ожил, наполнился звуками хлопанья крыльев, шурианием, треском веток; перепуганные птицы заматались в ночном небе.

От черного подножия дальнего леса отделились тени, только теперь это были не бегущие лесные звери, а медленная черная волна, сверкающая сотнями глаз. Даже в ночи она была настолько черна, что становилось больно глазам. Тьма, заполнив лощину, двигалась с неумолимостью чужой всему живому силы, от которой ночной воздух пульсировал ужасом.

— Начали! — скомандовал громовой голос во мраке.

Тринадцать фигур в длинных плащах, окружившие лощину, сбросили капюшоны и вскинули руки вверх.

В ту же секунду ночь наполнилась шепотом, а воздух начал потрескивать, будто пронизанный разрядами молний. Лощина начала сворачиваться в узел – земля прогнулась, изгибаясь в огромную воронку, посередине которой набирал силу бешено крутящийся смерч. Черный узел, пульсируя, схлопнулся, сжался в размерах до белой сверкающей звездочки, которая начала подниматься вверх, освещая пустую уже лощину белым ярким светом.

Раздался оглушительный грохот, и все вокруг окатило ледяным ветром.

Хлопья серебристого инея, как мотыльки, полетели вниз – посреди летней ночи, порхая, шел настоящий снег.

Юноша обернулся, услышав шорох невдалеке, но в ту же секунду ледяной шквал отшвырнул его в сторону, на припорошенную сизым инеем траву. Уже теряя сознание, он успел лишь краем глаза заметить, как один за другим падают замертво остальные двенадцать фигур в плащах...

Часть первая

Глава 1 Жильцы из тринадцатой

Санкт-Петербург, август, 2010 год

Проводить четырнадцатое лето своей жизни в пыльном и душном центре Питера – хуже ничего не придумаешь.

Влада закрыла глаза, раскачалась на качелях как можно сильнее, подставляя лицо теплову ветру.

Сегодня последний день, когда можно бездельничать.

Завтра уже тридцатое августа, надо отгладить форму и сбежать за астрами для торжественной линейки. Форма маловата: надо будет отпороть подол у клетчатой юбки и подшить хотя бы тесьму – за лето Влада вытянулась, ноги стали длиннее, это уж точно.

Других собирали мамы и бабушки, которые уже вовсю суетились и бегали через двор с покупками для школьных занятий, а вот Влада уже давно привыкла заботиться о своих вещах сама.

Вообще, человек без родителей – он немножко не такой, как другие.

Когда некому тебе говорить, как тебе жить и что делать, то взрослеешь намного раньше сверстников, за которыми вечно носятся мамы и папы, решая любую, даже самую мелкую, проблему. А у Влады был только дед, за которым ей самой приходилось приглядывать, – в свои семьдесят старик иногда забывал о возрасте и мог полезть на стремянку вешать занавески или начинал варить себе крепкий кофе, хотя часто хватался за сердце.

Деда надо беречь, кроме него, никого и нет. Настолько никого, что старый телефонный аппарат в их квартире – допо-

топный, с крутящимся диском, — всегда молчал по праздникам, за исключением тех дней, когда кто-то начинал звонить после полуночи и вешать трубку. Последний месяц Владе даже пришлось выдергивать телефон из розетки, чтобы молчащий невидимка перестал их доставать ночными звонками.

— Эй, Огнева! Что, так никуда и не ездила этим летом? Торчала в городе? — громко спросила Анжела, высоко взлетая на соседних качелях и так откинув голову, чтобы еще эффектнее подметать землю длинными светлыми волосами.

Влада резко затормозила подошвами сандалий о гравий и остановилась.

Подруги, с которыми она более-менее общалась в младших классах, вырастая, менялись на глазах. Наверное, организмы у некоторых девчонок к старшим классам начинают вырабатывать вредность, даже голоса становятся одинаково противными.

— Что, язык проглотила, Огнева? — не отставала Анжела. — Я спрашиваю, куда летом-то ездила?

— Никуда, ты и так знаешь, — тихо ответила Влада. — Зачем в десятый раз-то спрашивать?

— Как так можно, я не понимаю! — нарочито громко, чтобы услышали пожилые соседки на скамейке, возмутилась Анжела. — Я вот с родителями уже отдохнула в Испании и во Франции — в море каждый день купалась!

— А мы каждые выходные на дачу ездим, — поддакнула Полина, которая, как тень, повсюду следовала за Анжелой,

только изредка подавая голос. Полина была похожа на очень правильного совенка из какого-то скучного детского мультлика, который Влада терпеть не могла.

– Мне и в городе нравится... – расстроено буркнула Влада. – Ясно?

Да и что еще отвечать, если и так понятно, что куда-то поехать отдыхать для нее просто нереально?

Это Анжелу родители каждое лето возили туда, где море было немыслимо-прекрасного лазурного цвета. А самым дальним путешествием Влады была школьная экскурсия пасмурным осенним днем в Ботанический сад, после которой, кстати, она две недели провалялась с простудой.

– Тебе бы, Владочка, в санаторий или в Крым... – подключилась к разговору одна из сидящих на скамейке соседок, Нина Гавриловна. Ее полная фигура напоминала дрожжевое тесто, которому очень хотелось сбежать из необъятного платья расцветки «паника в цветочном магазине». – Да-а-а, трудно одному деду-то тебя тянуть... Наверное, дома и кушать-то нечего?

– Есть чего, – выпалила Влада, чувствуя, как от обиды перехватывает дыхание. – А дед работает!

– Работает?! – язвительно засмеялась вторая соседка, Марья Петровна, тощая шея и выпученные глазки которой делали ее похожей на суслика. – Ему бы лучше пойти и разобраться, почему перестали платить пенсию. Ведь столько лет проработал учителем, а нате вам, жить не на что стало! Я его

в скупке встретила в начале лета, когда ходила сдавать пальто, пытался продать фигурки какие-то за бесценок. Мы ведь по-доброму тебя жалеем, люди-то все видят...

Влада промолчала, до боли закусив губу.

Чертовы соседки, везде суют нос, даже деда застукали с его подработкой.

А все началось с конца весны, когда у них пошла полоса какого-то катастрофического невезения. Скромную пенсию почему-то вдруг перестали присылать бывшему учителю истории и, сколько дед ни пытался разобраться – куда-то ездил, звонил и ругался по телефону на волокиту и тупость, – отвечали ему одно и то же – ошибки в документах, разбираемся. А вот квитанции об уплате за квартиру приходили регулярно, причем оплата выросла настолько, что дед каждый раз даже надевал очки, не веря своим глазам.

Когда стало понятно, что денег скоро не хватит даже на еду, дед, сокрушенно крикнув, достал стремянку, полез на антресоли и после долгих поисков слез обратно с коробкой из-под сапог.

Усевшись за стол, открыл ее – внутри оказалась целая коллекция ракушек вперемежку с камнями и галькой. Потом сходил в прихожую за своей тростью, без которой он не выходил на улицу, и, покрутив ее в руках, осторожно отделил рукоятку. Внутри прятался раскладной нож, украшенный резьбой – витиеватыми буквами и листьями.

Отмалчиваясь на вопросы «что такое и откуда?», дед рас-

стелил на столе газету, выбрал из коробки плоскую гальку с нацарапанной надписью «Сочи-1955» и, повозившись с минутой, вырезал из нее ножом забавную фигурку сидящего по-турецки смешного гоблина с острыми ушками и крючковатым носом. Станный нож резал камень, как масло, и гoblin сверкал так, будто его долго и упорно полировали. В тот же день фигурка была продана, а довольный дед вернулся домой с сумкой картошки. Так и пошло дальше – как только на столе выстраивался ряд маленьких, с мизинец, деревянных и каменных гоблинов или троллей, дед тщательно упаковывал их в газету и нес продавать.

– Ты, Владочка, такая хиленькая растешь из-за плохого питания, – с деланой заботой покачала головой Марья Петровна. – В твоём возрасте девочки вон какие... посмотри на Анжелочку, глаза радуются. Ну кровь с молоком, ну чу-у-удо...

Анжела самодовольно улыбнулась, откинув волну золотистых волос на округлые плечи, а Влада с досадой тряхнула волосами, отбрасывая челку со лба.

Начинается...

Любая новая врачиха на очередном медосмотре начинала истерически выписывать отвар шиповника, глядя на хрупкую фигурку Влады, на слишком тонкие запястья, длинные ноги и худенькие плечи.

«Почему такие волосы – покрасила?» – недовольно спрашивала врачиха, морщилась, а Влада каждый раз начинала

объяснять и соглашалась, что да, имя у нее необычное для девочки, да, и волосы тоже, и вообще она должна выглядеть иначе, плохо ест, да, анемия...

Хотя уродиной себя не считала – лицо было миловидным, с высокими скулами, большими серыми глазами и аккуратным подбородком. Да и волосами можно было гордиться – темными и идеально прямыми, длиной ниже лопаток, а их цвет... На ярком солнце они отливали зелеными, синими и фиолетовыми отблесками. Выглядело это настолько необычно, что Владе каждый раз приходилось отбиваться от вопросов, чем она их покрасила. Да ничем – всегда такие были, с рождения, сколько она себя помнила.

Да и имя ей свое нравилось – простое и в то же время какое-то далекое, как прохладные вечерние сумерки. Хорошее имя, и пусть некоторые говорят, что оно не женственное...

– Витаешь опять, Огнева, за своими туманными горизонтами? Совсем разучилась разговаривать, что ли? – послышался со стороны язвительный голосок Анжелы и хихиканье Полины.

– Олечка Огнева такая же была, – тут же встряла Нина Гавриловна. – Как сейчас помню – идет из школы, все оглядывается. Я ее спрашиваю – ты что, боишься кого-то? А она мне отвечает: «Нет, кажется просто, тетя Нина...» А что ей могло казаться? Ребенку-то?

– Это верно, – закивав головой, заключила вторая соседка. – Мне вот тоже иногда кажется, что по двору в темноте

кто-то бродит. А валерьяночки выпью – и уже никого, только спать клонит...

«Где же деда-то носит, – с досадой подумала Влада, сделав вид, что разговоров больше не слышит. – Сам же сказал, что скоро вернется, и пойдем в магазин».

В этот момент из темной подворотни показался сухенький сгорбленный старичок в шляпе. Он был одет в потертый, но аккуратный синий костюм. Из-за большого орлиного носа и внимательных строгих глаз под нависшими косматыми бровями лицо его напоминало усталую хищную птицу, которая уже давно не может летать.

Шел он медленно и осторожно, трясущейся рукой опираясь на палочку, а в другой держа объемистый пакет с обычным набором «из магазина» – несколько килограммов картошки, кабачки, хлеб и кефир.

– Дед! Стой! Я сейчас! – сорвавшись с качелей, Влада кинулась ему навстречу, подхватывая тяжелую сумку.

– Добрый вечер, Вандер Францевич! – фальшиво-заискивающе пропела Нина Гавриловна. – А вы из магазинчика, а вы все хлопочете... Я завтра зайду к вам, принесу лекарства, мне удалось достать дешево, со скидочкой... Вы такой молодец, что внуку в одиночку тянете...

– Добрый вечер, большое спасибо, – сухо ответил дед стариковским надтреснутым голосом, учтиво приподнял шляпу и ускорил шаги, чтобы побыстрее удрать от назойливых соседей в подъезд дома.

– Без меня в магазин пошел и ничего не сказал, – ворчала Влада, втаскивая пакет с продуктами на третий этаж. – Тебе же нельзя тяжести носить, как ты не понимаешь?

Дед в ответ только пробурчал какую-то тарабарщину, гремя связкой ключей в замке. Когда он не хотел отвечать, то частенько демонстрировал знание редкого южнославянского наречия, выученного еще, как он говорил, на прежней работе.

Влада сразу же кинулась на кухню готовить ужин, и уже через полчаса в их большой квартире с высокими потолками замечательно запахло жареными кабачками, которые шипели в масле на сковороде.

Дед тем временем сосредоточенно гремел чашками в раковине, хлопал дверцами кухонного шкафа и боролся с чайником, который никак не хотел свистеть своим сломанным носиком. В конце концов старик бочком уселся за стол, схватил с подоконника старую газету с рекламными объявлениями и развернул ее, отгородившись от внучки, будто ширмой.

Влада поставила на стол тарелку с румяными обжигающими ломтиками кабачков, открыла пластиковую баночку холодной сметаны, покромсала мягкий хлеб – дед не признавал уже нарезанного, в пакетах, называя его издевательством над личностью.

– Много троллей сегодня продал? – спросила Влада, подцепляя на вилку кабачок и обмакивая его в холодную сметану.

– Нет. За квартиру не заплатил, не хватило, – отозвался дед, прихлебывая что-то из чашки.

– Что ты там пьешь? Опять кофе?!

– Нет-нет, это цикорий, – разоблаченный в своих махинациях старик бросил газету на подоконник и поспешно вцепился в свою любимую треснутую кружку с полустертой Эйфелевой башней в облаках. Хотя он и пытался неловко прикрыть чашку ладонью, но по кухне уже предательски поплыл ароматный дымок крепко сваренного кофе.

– Ага, понятно. – Влада строго взглянула на старика. – Цикорий, значит? А за плитой ты что прячешь? Банку с кофе? Так? Веником прикрыл, думаешь, я не найду?

– Что-то сердце кольнуло, – быстро сказал дед. – Ты не могла бы принести мои таблетки?

Знакомый и хитрый ход – пока внучка будет ходить за таблетками, он мгновенно выпьет свой кофе и быстро сполоснет чашку, чтобы скрыть следы преступления.

Когда Влада вернулась обратно в кухню, чашка с Эйфелевой башней, чисто вымытая, уже стояла у раковины. Вот это скорость...

– Ешь свой валидол, раз я за ним ходила.

Дед, поморщившись, подержал таблетку в руке и положил обратно на стол.

– Отпустило уже, – махнул он рукой. – Что-то последнее время мне беспокойно. Предчувствие нехорошее, что ли...

– Предчувствие чего? – Вилка с кабачком замерла в возду-

хе, а Влада внимательно взглянула на деда. – Это из-за ночных звонков, что ли? Так давай совсем отключим этот дурацкий телефон уже! Все равно никто не звонит, кроме рекламных агентов, да еще какой-то идиот по ночам в трубку молчит.

– Может, это тебе звонят? – с легкой надеждой спросил дед. – С мальчиком поругалась или с подругой?

«Чтобы с мальчиком или с подругой поругаться, для начала их надо завести», – подумала Влада, но вслух ничего не ответила.

Все и так ясно, чего боится дед, – что с ней что-нибудь случится, как с мамой.

Дед никудышный психолог – стоит только ему услышать от нее про какую-то подростковую проблему, как он тут же теряется и начинает паниковать так, будто завел дома очень редкую породу зверька и теперь не знает, чем его кормить. Или еще хуже – начинает метаться по квартире, залезает на стремянку и скидывает вниз с антресолей перевязанные бечевкой стопки пожелтевших книг.

Названия у большинства из них начинаются со слова «Как...», а дальше возможны варианты. «Как обрести уверенность в себе», «Как общаться со сверстниками», «Как избавиться от страхов» – и прочая ерунда. И каждая книга аккуратно подписана на самой последней странице: «Из библиотеки Оли Огневой», потому что покупались все эти книги для мамы.

Владе они казались маленькими предателями, которые должны были, но не спасли маму от чего-то ужасного.

Уничтожив почти все свои фотографии, Ольга Огнева бросила институт и исчезла из дома навсегда, когда Владе был всего-то месяц от роду. Дед однажды проговорился, что у Ольги после рождения дочери началась жуткая депрессия, приступы паники и ужаса, хотя Влада никак не могла понять, как такое могло случиться с человеком, которому всего-то девятнадцать лет?

Осталась только одна школьная фотография – серьезное узкое личико под белокурой челкой трудно было разыскать среди трех десятков одноклассников. Влада часто вглядывалась в мамино лицо, пытаясь понять, чего она так сильно испугалась, от чего так панически бежала, с тех пор ни разу не подав о себе вестей? Обижаться и злиться на нее Влада почему-то не могла – мама выглядела страшно неуверенной и подавленной даже на этой последней оставшейся фотографии.

Все вещи Ольги теперь бережно хранились в отдельном стенном шкафу в самом дальнем уголке квартиры. Иногда, когда оставалась дома одна, Влада открывала шкаф, садилась на пороге, всматриваясь в его пыльную темноту, и перебирала мамины вещи. Их было не так уж много: старая вместительная синяя сумка с потертым значком «Политехнический институт»; туфли с заломанными задниками; пара зимних теплых перчаток; потемневшие, будто потерявшие сол-

нечный свет, бусы из янтаря; стопка детских рисунков. Все они были одинаковыми: мрачные, заштрихованные до черноты листки бумаги, на которых странная тень выглядывает из-за угла дома. Рассматривать рисунки Влада не любила – потом снились неприятные тревожные сны.

Иногда Владе казалось, что мама спряталась где-то там, в глубине шкафа, за рядами стареньких пальто и кофт. Мама хочет что-то сказать, но боится, очень боится... Как только в замке начинали греметь ключи, Влада успевала все быстро сложить обратно, захлопнуть шкаф и встретить деда с улыбкой на лице.

– А может, это он звонит? – спокойным голосом предположила Влада, стараясь, чтобы не дрогнул голос.

– Кто – он? – не понял дед.

– Ну... отец.

Слово «отец» произнести было трудно, оно было непривычным и чужим. Этот человек не появился в ее жизни ни разу. Не прислал письма. Не позвонил. У Влады не было ни одной его фотографии, а дед в ответ на все ее вопросы объяснял, что никогда этого человека не видел и даже не знает его имени. Поэтому отчество у Влады было взято «с потолка» – Александровна...

Сейчас дед горбился, сделав вид, что рассматривает в рекламной газете что-то необычайно интересное.

– Как ты думаешь? Вдруг он вспомнил про меня, решил появиться, узнал наш телефон. Только не знает, что ему го-

ворить, и молчит?

– Что-то опять нехорошо мне, – старик приложил руку к сердцу, закатив глаза в потолок. – Принеси мои таблетки, пожалуйста...

– Да они перед тобой лежат.

Поняв, что разговор закончен, Влада поставила в раковину тарелки – вымоет перед сном, и, перед тем как выйти из кухни, успокоила деда:

– Ты не думай, я отца не хочу видеть. Если я ему не нужна, то и он мне тоже.

– Ты гордячка, – с печальной улыбкой заметил дед. – Олечка тоже была такой... Нелюдистой. Знаешь, внушка, тебе нужно больше общаться с людьми.

– Я и так с ними общаюсь, – заверила деда Влада. – Через два дня школа начнется, будет этого общения – завались. А пока я от людей отдыхаю.

– Нет-нет! Ты не должна так говорить! – всполошился старик. – Вот увидишь – пройдет время, и у тебя будет очень много друзей и друзей, обязательно!

Влада поняла, что сболтнула лишнего – нельзя быть настолько откровенной.

Паника в глазах у деда говорила о том, что сейчас он снова полезет на антресоли за «теми» книгами и будет балансировать на шатающейся стремянке, скидывая вниз рулоны пыльных обоев и подшивки журналов «Наука и жизнь» за какие-то древние годы. Пока этого не случилось, нужно что-

то срочно придумать.

– Меня Макс Громов пригласил на дворовый матч, в восемь вечера, – сделав упор на последние два слова, соврала Влада. – Я часик посмотрю, ладно?

Дед расцвел так, что даже как-то неловко стало, да что поделаешь. На самом деле Макс Громов, который был звездой школы и ужасно лихо закидывал в волейбольную корзину мяч, вряд ли бы узнал Владу на улице, да и вообще... ему нравились светлые волосы Анжелы, а по Владе его взгляд проскальзывал, как... как по самой неинтересной части пейзажа.

Влада вышла на лестничную площадку и только-только спустилась на этаж ниже, как тут же распахнулась дверь квартиры номер двенадцать (показав на секунду сверкающий кафелем пол и подвесной потолок с лампочками). Оттуда появился отец Анжелы, Лев Михайлович Царев, похожий на надменного кабана, который повесил на шею золотую цепочку, оделся в костюм, побрил щетину и облился удушающим одеколоном.

Вслед за соседом на площадку высунулась огромная собачья морда – ротвейлер Царевых грозно рыкнул, увидав Владу.

– Фу, Кондор, фу... – схватив пса за ошейник, пробасил Лев Михайлович, даже не удостоив Владу ответом на ее «зд-расте». – Где твой дедуля? Поговорить надо...

Сверху раздалось шарканье – дед выглянул из-за перил.

– Ну что, сосед, когда квартиру-то продадите? – подняв голову, напористо поинтересовался отец Анжелы. – Я долго ждать не намерен, у меня планы.

– Вечер добрый, – поздоровался дед, нахмурившись. – Я уже говорил вам – не продам. С этой квартирой у меня связано много воспоминаний. Купите другую.

– Мне нужна эта, – не отставал сосед. – Вам-то зачем ваша трехкомнатная?

– За те деньги, что вы предложили, и однокомнатную не купить, – сдержанно ответил дед. – Иди, внучка, я покараулю на лестнице.

Отцу Анжелы разговор явно не понравился. Он, не ответив ни слова, захлопнул дверь, а Влада поспешила вниз.

Дед маячил в окне, поэтому пришлось подойти к скамейке, на которой расположились Анжела с Полиной, и сесть рядом, с деланно-веселым видом помахав рукой. Старик довольно кивнул в ответ и скрылся за занавесками.

– Что, Огнева, все-таки решила нас осчастливить? – поинтересовалась Анжела, приподняв брови. – За кого хоть болеть-то будешь? За своих – потусторонних призраков?

– Да, за них, – согласилась Влада, вздохнув и приготовившись к очередным подколкам и глупостям.

К счастью, Анжела тут же отвлеклась – дворовые команды сошлись на маленьком поле и, поднимая тучи пыли, начали выяснять отношения с помощью мяча.

Солнце уже село, двор погрузился в прохладную тень, а

кое-где начали зажигаться окна, бросая желтые отсветы на асфальт.

Влада, не испытывая никакого интереса к футболу, рассматривала крышу дома напротив, – на секунду ей померещилась там чья-то скрюченная фигура на фоне темнеющего неба. Будто кто-то осторожно крался между трубами и антеннами, а потом присел и затаился. Влада поежилась, будто ей стало холодно, и отвела взгляд.

Еще не хватало, чтобы у нее начались такие же страхи, как у матери...

Лучше искать самое простое и понятное объяснение, а не пугать себя. Может, какой-нибудь рабочий полез латать крышу и перепугался высоты или просто показалось...

Вдруг она увидела летящий к скамейке черный, с красными полосами мяч, но не со стадиона, а совсем с другой стороны. Мяч перелетел через ограждение, кусты шиповника, дорожку и влетел бы прямо во Владу, если бы она не успела среагировать и схватить его в последний момент. Прозева-ла бы – и первого сентября явилась в школу с эффектным фингалом под глазом!

Держа в руках мяч, Влада огляделась в поисках его хозяйина, чтобы высказать ему все, что она о нем думает, а когда увидела, то поперхнулась准备好的 словами.

К ним, легко перепрыгнув через ограждение, неторопливо шел прямо по газону незнакомый мальчишка лет пятнадцати, высокий и спортивный на вид. Одет он был в черную

футболку, на которой был изображен красный паук с мохнатыми лапами, и черные потертые джинсы, а его растрепанные темные волосы падали на глаза, закрытые темными очками.

Влада, не отрывая взгляда, смотрела, как мальчишка приближался.

Интересно, зачем ему темные очки, когда солнце уже село?

На красивом лице незнакомца было жесткое выражение, будто он вот-вот скажет что-то неприятное. Однако, когда он приблизился, это выражение сменилось на приветливое.

– Эй, девчонки, мячик-то верните! – весело сказал он.

– Ненормальный, еще скажи, что ты случайно! Ты чуть не попал в нас! – фыркнула Анжела, смерив мальчишку крайне заинтересованным взглядом.

– «Чуть» не считается, – отпарировал тот. – Бил бы специально – попал бы обязательно. – Мальчишка улыбнулся им, и Владе показалось, что за стеклами очков заплясали яркие искорки. – Особенно в тебя.

Эти слова он произнес, подчеркнуто обращаясь к ней.

Анжела издала презрительно-удивленное фырканье, эффектно перекинув ногу на ногу. Отвлечь на себя внимание это не помогло – мальчишка, даже не повернув голову в ее сторону, смотрел в упор на Владу, да так, что той захотелось провалиться сквозь землю.

– В другой раз поосторожнее, – ответила Влада, слегка

смутившись и возвращая мяч владельцу.

Надо же, как спокойно он себя ведет. Про таких говорят, что уверенность в себе родилась раньше, чем они сами.

– А я тебя раньше здесь не видел, ты не отсюда? – поинтересовался мальчишка, подкидывая мяч и ловко крутя его на одном пальце. – Волосы интересные, никогда таких не видел.

– Она из мира привидений, посмотри на ее бледную физию, – фыркнула Анжела и одарила незнакомца улыбкой. – А ты из какой школы? Я сама тебя раньше никогда не видела!

Влада даже отвернулась, уверенная в том, что дальше разговор продолжится уже без нее. Обычно так и было, стоило только Анжеле открыть рот.

– Как тебя зовут, незнакомка с красивыми волосами? – послышался насмешливый голос.

Странно, но на этот раз чары Анжелы не сработали, и та была в такой ярости, что даже не заметила, как команда Макса забила гол, и тот счастливо помахал рукой. Влада подняла глаза – мальчишка улыбался, ожидая от нее ответа.

– Бледная моль ее зовут! А меня – Анжелика! – уже раздраженно попробовала отвлечь на себя внимание незнакомца подруга. – Чего ты к ней прицепился-то? Видишь же, что она не хочет с тобой разговаривать.

– Анжела, я как-нибудь сама разберусь, – не выдержала вдруг Влада, рассердившись больше на саму себя за стеснительность. – И вообще... Мне пора.

Она даже не стала изображать на лице дежурную вежли-

вую улыбку – неловкий разговор лучше оборвать вот так же – неуклюже и быстро.

Кинув на незнакомого мальчишку настороженный взгляд, Влада встала и быстро направилась домой.

Дед, к счастью, был увлечен вырезанием новых гоблинов-троллей и расспрашивать ни о чем не стал, а Влада, закрыв дверь в свою комнату, осторожно высунула нос из-за занавески – но во дворе никакого наглого мальчишки уже не было.

Лучше лечь спать и выбросить его из головы.

Просто случайно забрел в их двор, увидел ее бледную физиономию и решил поиздеваться, сделать вид, что она его интересуется.

Через полчаса Влада поняла, что просто тупо смотрит в потолок, а сама думает о том мальчишке в темных очках. Не так надо было отвечать на его вопросы. Смущаться и психовать не надо было, теперь даже вспоминать стыдно и неловко.

– Ты считаешь, надо было ответить по-другому?

Этот вопрос был задан крохотной фигурке, которую дед вырезал из остатков деревянной чурки, обозвал «некондичией» и чуть не выкинул, а Влада спасла, вытащив уже из помойного ведра. Теперь подбоченившийся троллик с нахальной рожицей гордо осматривал комнату с книжной полки, стоя на перевернутой баночке из-под йогурта. Влада даже подрисовала ему зеленым фломастером глаза, чтобы трол-

лик живее выглядел, и часто беседовала с ним, принимая в ответ его молчаливую поддержку. Вот бы он ожил, как было бы здорово...

В темной комнате посветлело – луна глянула из-за крыш, будто зацепившись за антенну дома напротив. Раз не спится – лучше наблюдать, как бледный диск будет медленно подниматься в темное небо.

Влада устроилась поудобнее, чтобы лучше видеть окно, а потом резко приподнялась на локте.

Крыша дома напротив – шевелилась: что-то ползло по ней, пригибаясь, выставив вперед крючковатые руки.

Влада спрыгнула с кровати, рывком отдернула занавеску. Это уже слишком – по ночам никакие рабочие по крышам не ходят. Тем более с такими руками – в них было что-то ненормальное, но, что именно, трудно было понять с такого расстояния.

Уже через секунду никакого движения не было – освещенный луной двор дремал, даже листья на деревьях не шелестели, такое было безветрие и тишина.

Только что-то копошилось в углу оконной рамы – большой паук деловито сплетал паутину, шевеля лапами. Будто заметив, что Влада смотрит на него, он настороженно замер.

– Привет, – прошептала ему Влада. – Извини, что помешала. У меня паранойя, кажется. Спокойной ночи.

Глава 2

Дворовый скандал

Утром в дверь позвонили, и Влада сквозь сон слышала, как по коридору зашаркали тапочки деда.

– Доброго утречка, Вандер Францевич! – загудел голос соседки, Нины Гавриловны. – Мы тут с соседями собираем деньги на травлю крыс в нашем дворе. С вас триста рублей, уже все сдали... Я, пожалуй, присяду...

– Сейчас у меня столько нет, – отвечал голос деда. – Какая еще травля крыс? Не понимаю...

Скрипнула табуретка – видимо, Нина Гавриловна решила расположиться у них надолго.

– Как это – какая? У меня уже по квартире эти твари бегают. Утром захожу на кухню, а они в углы – шашь! Только хвосты и видела. Не говорите мне только, что у вас крыс нет.

– У нас точно их нет, – возразил дед. – Вы уверены, может, показалось вам?

– Ничего мне не показалось, – гневно загремела Нина Гавриловна. – Я уже позвонила, куда надо, осталось сдать деньги. Ах да, забыла, зачем я еще пришла... Я же принесла вам лекарства. С вас тридцать рубликов еще, вот чек... Тут корвалол, валидол... И еще валидол...

Из коридора зашуршали упаковки лекарств и послышалось сдавленное дедовское «спасибо», затем последовала речь Нины Гавриловны о погоде минут на десять, и лишь потом дверь захлопнулась.

Влада вышла на кухню – дед, стоя над мусорным ведром, яростно вытряхивал в него из кармана упаковки с таблетками.

По кухне витал кофейный аромат, на столе поджидала сковородка с омлетом, а веник был подозрительно отставлен от плиты в сторону. Опять старик угощался крепким кофе.

– Больше я этой гусыне дверь не открою, – раздраженно ворчал дед. – То одно, то другое. Последние деньги отдал, а

на что? Подумаешь – крысы, их везде полно, а валидол мне этот не нужен!

– Ты только не нервничай, – Влада прошла на кухню и села на табуретку, зевая и протирая глаза. – А фигурки? У тебя уже много накопилось, может, пора продать?

– Их в скупке не взяли, – буркнул дед. – Раньше брали, говорили – приносите еще, редкая работа. А вчера всего двух удалось с трудом на рынке продать. Просто черная полоса какая-то...

– Не надо так говорить, – расстроилась Влада. – Все наладится, неприятности не могут же вечно длиться, да?

– Конечно, не могут, – не очень уверенно согласился дед. – Видимо, какое-то лето неудачное. Придет осень, все поменяет.

– Кстати, она уже послезавтра придет, – бодрым голосом отозвалась Влада. – Букет нужен, деда... У нас как – немного денег есть еще?

– Найдется рублей сто, – вздохнул дед. – Только осторожнее через дорогу, и не разговаривай с незнакомыми людьми. Сейчас такое время, знаешь...

– Я все знаю, буду очень осторожна.

Влада наскоро перекусила омлетом и, запив его кефиром, побежала на улицу.

От их двора до шумной Сенной площади совсем недалеко – минут десять пешком по набережной одетого в гранит, пахнущего тиной канала Грибоедова.

Утро выдалось солнечным и ярким, но воздух уже по-осеннему был прозрачно-грустным, да и прохожие спешили навстречу с сосредоточенными лицами.

Весь город только и думал, что о первом сентября, будто это какое-то сверхсобытие. А вот Влада терпеть не могла этот день. Нужно стоять часа два на линейке, чувствуя нервный озноб, слушать бесконечные фальшиво-радостные речи учителей, сжимать в руках шуршащий целлофаном букет и ждать, ждать, когда все это уже закончится.

Возле метро разложились дачники, расставив тележки и ведра с астрами, георгинами и гладиолусами. Влада долго выбирала букет, пока не остановилась на трех маленьких фиолетовых астрах, подешевле. Ее букет, самый неказистый и скромный, учительница все равно почти всегда забывала после занятий на подоконнике.

Заворачивая астры в целлофан и критически поглядывая на покупательницу, старушка-дачница принялась бормотать что-то о деревне, домашней сметане и молоке, которые необходимы для таких худышек.

Влада смущенно пробормотала «спасибо», схватила букет и, слыша за спиной старушкины оханья, поспешила прочь.

Все-таки лето всегда заканчивается быстро, а последние дни августа вообще летят как часы. Влада немного постояла на набережной канала, шурясь от солнышка и с грустью провожая глазами первые желтые листья, лениво дрейфующие по глади зеленовато-мутной воды. Обратно идти не хо-

телось, но ждали дела.

Остаток пути до дома Влада пробежала бегом, нырнула в сырую темную подворотню, в которой из-за эха всегда казалось, что кто-то идет за спиной, и чуть не столкнулась с нарядной Анжелой, которая вывела во двор на прогулку своего ротвейлера.

– Куда несешься, Огнева, свидание, что ли, не получилось? – фыркнула Анжела, переводя взгляд на астры в целлофане. – Что – на веник попримичнее у твоего нового поклонника денег не хватило?

Ее последние слова заглушило рычание пса, которого она придерживала на поводке. Увидав Владу, ротвейлер вдруг с воем рванул из ошейника, будто ему очень хотелось разорвать ее в клочки.

– Кондор, фу... Фу! Огнева, ты что – кошку завела?! – пытаясь удержать пса, возмущенно фыркнула Анжела. – Кошмар какой-то...

– Нет у меня никакой кошки, – буркнула Влада, пятясь и прижимая к себе букет.

Бежать было нельзя – собаки тогда точно кидаются, у них инстинкт. Лучше медленно и спокойно отступать до самого подъезда.

– Огнева, дрянь! – завизжала Анжела, когда ротвейлер протащил ее несколько метров вперед, и та чуть не грохнулась с каблуков. – Ты что с моим псом сделала?! Сглазила, что ли?! Он же спятил совсем! Фу, Кондор, я сказала!

– Я-то тут при чем?!

Влада застыла на месте, прижимая к себе астры и с ужасом глядя, как пес исходит слюной, щеря желтые клыки, и таращит налитые кровью глаза.

– Папа-а-а! Сюда-а-а-а! – взвизгнула Анжела. – Я не обязана ломать ногти и эту псину удерживать! Па-а-па-а-а!

Дальше все произошло молниеносно – Влада бросилась бегом напрямик к дому, через газон. Оглянувшись, она увидела, что Анжела, больше не стараясь удержать собаку, отпустила поводок, и пес, перемахнув через ограждение, летит вперед, оскалив страшные зубы.

Влада вскрикнула, рванулась было, но зацепилась за что-то ногой и свалилась на траву, инстинктивно закрывая голову руками.

Раздался громкий и резкий свист, а вслед за ним удаляющийся собачий визг и вопль Анжелы:

– Кондор!!! Ты куда? Ко мне!!!

Прошло несколько секунд, прежде чем Влада осторожно открыла глаза и увидела две стоящие в примятой траве ноги в потертых кроссовках и черных джинсах. Рядом валялся уже знакомый черный мяч с красными полосами.

– Не ранена? – спросил мальчишеский голос, и два черных глаза обеспокоенно и заинтересованно глянули на нее, как из тумана.

Она только мотнула головой в ответ.

Это тот самый мальчишка, который вчера спрашивал ее

имя и довел до бешенства Анжелу, опять он здесь. Только без темных очков – и теперь можно посмотреть в его глаза.

Да-а-а, с такими глазами и таким лицом люди не шатаются по пыльным унылым дворам и не спасают от ротвейлеров бестолковых девчонок. С такой внешностью снимаются в кино, снисходительно глядят с обложек журналов...

У Влады болезненно сжалось сердце, будто кто-то невидимый зацепил его ледяным крючком, проколов кожу.

«Он – как юнга с пиратского корабля», – подумала Влада, разглядывая загорелые руки, порванную где-нибудь на бордаже футболку и лихо повязанную на голове цветастую бандану.

– Вставай, я этого людоеда отправил проветриться, – звонким голосом сказал мальчишка и протянул руку. – Ого, а ты разбила коленку.

Рука у незнакомца была холодная, будто тот замерз, но никаких мурашек на ровной загорелой коже не было, и Влада, сделав вид, что ничего не заметила, осторожно встала.

Голова немного кружилась, но колено было цело, по крайней мере на первый взгляд.

– Спасибо, ты вовремя. Ой, цветы...

И без того не слишком свежие астры теперь были изломаны и валялись в траве. Поднимать их смысла уже не было, и это будет первый раз, когда она явится на торжественную линейку даже без такого букета. Дед в чем-то был прав – неприятности валились одна за другой, просто не давая пе-

редышки.

Анжела уже бежала к ним, подскакивая на высоченных каблуках, продолжая визжать и звать своих родителей, а из подъезда спешила на помощь «тяжелая артиллерия» – ее отец в халате и шлепанцах и мамаша, у которой на голове смешно подпрыгивали бигуди.

– Огнева, нахалка! – вопила Анжела. – Сглазила собаку, а этот мячом в нее запустил!!!

– Пусть побегает, не беда, – возразил мальчишка. – А то злой слишком.

– Доченька! – запыхавшись, подбежал к ним отец Анжелы. – Что... Что тут такое? Где Кондор?

– Нету его больше! – притворно рыдая, стенала Анжела. – Владка дразнила его, а этот в него мячом, и Кондор испугался и сбежал...

Выпалив это, Анжела не забыла кинуть на мальчишку кокетливый взгляд и перебросить свои светлые волосы так, чтобы их было лучше видно.

Мать Анжелы, подоспев на подмогу мужу и дочери, уставилась на ребят злыми глазами, один из которых был огромный, накрашенный тушью, а второй, не накрашенный, был раза в три меньше.

– Я видела из окна, как ты дразнила нашего пса! – заорала она, наступая на Владу. – Я тебе покажу, хамка!

– Я не дразнила, и я не хамка... – растерянno попыталась защититься Влада, но отец Анжелы только злобно накинулся

на нее:

– Тебя не спрашивают, нахалка! Что сделала с собакой?!

– Полегче-ка, – встав между ними, мальчишка заслонил Владу спиной. – Никто никого не дразнил. Таких псов надо на цепи держать, приступ злости случится – и полдвора разорвет.

– Да кто ты такой, чтобы нам указывать?! – взвизгнула мать Анжелы. – Оборванец ты малолетний!

– Да что с ним еще лясы точить! – Лев Михайлович вдруг размахнулся, чтобы отвесить «оборванцу» оплеуху, и Влада вскрикнула, прижав руки к вискам.

Только вот волосатая пятерня просвистела в воздухе – мальчишка как-то неуловимо увернулся, а отец Анжелы чуть не упал, потеряв равновесие.

– Ч-что... А? – растерялся он, удивленно посмотрев на свою ладонь. – Н-наглец! П-подонок! – Он начал заикаться от удивления. – Анжела, кто он такой?

– Защитничек Огневой, недавно появился... – с интересом буравя мальчишку глазами, процедила Анжела.

– Я Гильсберт Муранов, – ответил тот. – А уж кто я такой – это мое дело.

Влада с удивлением взглянула на него – надо же, какое удивительное спокойствие в такой ситуации. Любой другой на его месте давно бы испугался такого натиска и криков или же начал бы вести себя вызывающе. А этот просто спокойно улыбался, будто не боялся абсолютно ничего, и его даже за-

бавляло все происходящее.

Хотя с такой внешностью и именем, наверное, уверенность в себе прилагается в комплекте.

– Гильсберт? Как-как, Муранов? – Лев Михайлович уже немного пришел в себя и теперь явно хотел взять реванш за фиаско с ударом, начав невероятно громко орать: – Все, крышка тебе, пацан! Номер твоей школы, быстро! Я тебе устрою, пожалеешь, что родился!

– Конечно, устраивайте, – блеснул белозубой улыбкой мальчишка. – Это будет забавно. Я в МУНе учусь.

– В каком еще МУНе? – взвизгнула мама Анжелы. – Мы никогда не слышали ни про какой МУН! Где твои родители?!

– Вы и с ними хотите пообщаться? – продолжал веселиться Гильсберт Муранов. – Я вас разочарую, родители и брат в отъезде, и дома только друзья. Но приезжайте, если хотите. Садитесь на триста пятидесятый автобус и доезжаете до второй конечной остановки. Только не перепутайте – до второй конечной. А там спросите Темную аллею, дом три, запомнили? И не забудьте сказать, что едете воевать с семьей Мурановых, будет весело...

Пока семейство Царевых исходило визгом уже по поводу выдуманного адреса и поддельного автобуса, мальчишка потянул Владу за руку, уводя за собой. Позади гудел голос отца Анжелы, который обещал очень скорые и многочисленные неприятности и кому-то уже звонил по мобильному телефо-

ну, но Влада даже ни разу не оглянулась.

– Надо перевязать твое колено, – вдруг заявил мальчишка, останавливаясь и снимая с головы бандану.

– Да не надо, раны-то нет, зачем? – Влада попыталась протестовать, но мальчишка, присев на корточки, будто не услышал ее.

Что ж, пусть перевязывает ее ногу, если хочет.

Влада с удовольствием увидела, как из окон выглядывают соседи, вот показалась голова Полины, а Нина Гавриловна, стараясь высунуться подальше, чуть не вывалилась во двор.

Здорово, пусть смотрят.

Но вот из распахнутых окон квартиры Огневых доносился истошный рев пылесоса. Теперь понятно, почему дед пропустил всю эту сцену.

– Странное у тебя имя – Гильсберт, – заметила Влада, чувствуя, как колено стянула холодная шелковистая ткань.

– Лучше просто Гильс, – подняв черные веселые глаза, мальчишка завязал повязку каким-то хитроумным узлом, полюбовался на свою работу и встал. – Гильсберт – это официально, для торжественных случаев, вроде уличного скандала. А твое имя я и так уже знаю, Влада... Слушай, я не очень умею общаться с людьми. Как у вас принято напрашиваться в гости на чай? Познакомишь с родичами?

По спине у Влады пробежал неприятный холодок.

Очень не хочется объяснять ему, что у нее нет никаких «родичей», – имел он в виду, скорее всего, родителей, а у

нее – только старенький дед. Да и квартира, в которой уже лет тридцать не было ремонта, вряд ли его впечатлит. Кстати, и чая нет – заварку дед позабыл купить, а может, денег не хватило. И зачем он сказал, что он не умеет общаться с людьми? Ведь это уже было откровенное вранье. Неужели для того, чтобы она почувствовала в нем родственную угрюмость и прониклась доверием?

– Влада, да не бойся ты, – настойчиво повторил парень. – Я хочу, чтобы ты пригласила меня в гости, слышишь?

Со стороны послышались приближающиеся вопли – на них надвигалась вторая волна скандала вместе с набравшейся злости семейкой Царевых. Пора было удирать домой, и Влада ступила в подъезд, ожидая, что новый знакомый проводит ее до квартиры.

Но нет – тот остался стоять за порогом, выжидающе глядя на нее.

– Да пригласи меня уже, – с досадой произнес он.

Влада чуть не рассердилась на него – раз красивый, то может что ли, требовать приглашения? А потом со смехом будет рассказывать друзьям, как за ним бегают девчонка. Нет уж, пусть идет сам, без приглашений.

– Пойдем, если хочешь, – как можно более безразлично пожала плечами Влада.

– Нет, не то, – послышалось ей вслед.

Махнув рукой, Влада кинулась по лестнице вверх, перепрыгивая сразу через две ступеньки и уже слыша, как снизу

загремели визгливые голоса Анжелы и ее родителей.

Черт, дед из-за рева пылесоса не слышал, как она трезвонит в дверь.

Влада выудила из кармана ключи, дрожащими руками отперла замок и, быстро захлопнув дверь за собой, прислонилась к стене коридора, пытаясь отдышаться.

В лучах солнца, падающих из комнат, метались пылинки – допотопный «Вихрь», похожий на скинутый рыцарем шлем, не столько убирал, сколько наводил на пыль панический ужас своим рычанием и воем, после чего она аккуратно возвращалась на прежние места.

Пылесос затих, дед выглянул из гостиной.

– А где букет? – Он опустил глаза и заметил повязку на колене. – А это что такое?! Ты что так запыхалась?

– Дед... – Влада сглотнула, переводя дух. – У нас, кажется, новые неприятности.

– Что еще?

– Да вот, идут уже сюда, кажется. Только не открывай, пожалуйста!

Влада не ошиблась – через секунду звонок заверещал, а в дверь со всей силы ударили ногой.

Почти целых полчаса отец Анжелы яростно вопил, угрожая и подробно рассказывая, что бывает с теми, кто посмел тронуть его семью и его пса.

– Все, старый хрыч, ты допрыгался! – орал Лев Михайлович, пока дед, замерев у двери, настороженно прислуши-

вался. – Ты мне ответишь за собаку! Всю жизнь не расплатишься! Я уже в отделение полиции позвонил – у меня там знакомые! Если ты мне до завтра собаку не вернешь, я тебя упеку куда следует, а твою охламонку в детский дом отправлю, понял?

Когда сосед выдохся и отправился восвояси, Владе страшно было смотреть деду в лицо – настолько оно побледнело. Казалось, вот-вот, и старик упадет.

– Я ни в чем не виновата, – выдавила она из себя. – Не дразнила я никакую собаку, правда!

– Да я тебе верю, – старик, понурившись, прошаркал на кухню. – Что же такое творится? С каждый днем все хуже и хуже... Пойдем, расскажешь мне все подробно. Только поставлю чайник и закрою окно...

Пока Влада рассказывала, дед по-настоящему съел таблетку валидола и, как ей показалось, даже сильнее постарел.

– В общем, этот Кондор уже бежал, чтобы меня разорвать, а тот мальчишка как мячом в него бросит, и пес вдруг рванул совсем в другую сторону!

– Как, ты сказала, того паренька зовут? – переспросил дед.

– Гильсберт Муранов. Он даже перевязал мне колено.

– Колено болит?

– Да нет, я же падала на траву. Можно было и не перевязывать...

– Так... – дед задумался. – А сними-ка повязку.

– Сейчас...

Узел развязываться почему-то не хотел, да и выглядел не совсем обычно – он напомнил Владе парадоксальные фигуры из книжки «Загадки четвертого измерения», которую им однажды показывали на уроках физики. Ткань повязки тоже была необычная – шелковистая, на черном фоне пестреют желтые, оранжевые, зеленые и красные рожи, страшно и свирепо скаля зубы.

– Странно... Что-то не получается. – Влада принялась дергать узел, зацепляя его ногтями.

В конце концов, потеряв терпение, она взяла маникюрные ножницы и принялась ковырять ими повязку, чтобы попросту ее распороть. Ткань не поддавалась. Хотя на вид это был совсем тонкий шелк, ножницы были ему нипочем.

– Не надо так делать, поранишься, – остановил ее дед. – Не снимешь ты эту повязку, я так и думал. Что он еще сказал, этот Гильсберт?

– А еще он напрашивался в гости на чай, – призналась Влада, хмуро разглядывая свою коленку.

– А ты что? Не пригласила?

– Нет.

– Почему?

Влада молча пожала плечами. Ну не скажешь же деду – «знаешь, Муранов слишком красивый, я таких никогда не видела и начала комплексовать». Был бы этот Гильс каким-нибудь обыкновенным веснушчатым дылдой, уже давно сидел бы на их кухне, пил бы вчерашний кефир, расска-

зывал, зачем он пришел...

– Ладно... – дед крикнул с досады. – Ты все сделала правильно, я сам учил тебя осторожности.

– Знаешь... – Влада помолчала. – Иногда мне кажется, что нас кто-то сглазил... или проклял.

– Я не верю в проклятия! – гневно сверкнул глазами дед, вставая, чтобы выключить плюющийся кипятком чайник. – Глупости все это, никогда больше так не говори.

– Ты думаешь, все эти угрозы соседа – правда? – осторожно спросила Влада.

– У него много связей, он, как это говорят... влиятельный человек.

– Что же нам теперь делать?

– Тебе – ничего. Отдохни, посмотри телевизор... а лучше поужинай и ложись спать. – Старик решительно направился в прихожую.

– Ты куда это? – перепугалась Влада, глядя, как он нахлобучивает шляпу и берет в руки трость.

– Пойду поищу соседского пса. Наверно, носится где-то по дворам...

– Так ты не справишься с ним, он же зверюга, страшный! Я пойду с тобой!

Она кинулась надевать кроссовки, но дед решительно замахал руками.

– Ты останешься дома! И не спорь со мной больше! Все! Сгорбившись и взяв в руки трость, старик вышел из квар-

тиры, а Влада осталась стоять посреди прихожей, пытаясь справиться с мыслями в тишине, нарушаемой только размеренным тиканьем квадратных часов над дверями гостиной.

Влада глянула на них – уже шесть вечера.

Скоро стемнеет, старик может упасть, ему может стать плохо с сердцем... Представлять себе, как ее дед, опираясь на палочку, шаркает по дворам, разыскивая злобного соседского пса, было просто физически больно.

Влада сжала виски руками, издав стон от злости и бессилия. Нужно думать, думать... Наверняка должен быть какой-то выход.

Просить помощи не у кого, единственный из посторонних людей, который ей вообще помог хоть раз в жизни, был Гильс Муранов, только вот он, наверное, уже уехал домой.

Домой...

А ведь Гильс называл свой адрес, когда ругался с отцом Анжелы.

Влада тогда хорошо запомнила – триста пятидесятый автобус, вторая конечная остановка, Темная аллея, дом три. Гильс добавил – только вторая конечная, иначе не найти... На триста пятидесятом автобусе Влада ездила каждый день три остановки до школы, поэтому она была уверена, что сам автобус существует в природе. А вот вторая конечная остановка?

Надо поехать, найти Гильса Муранова, рассказать о том, что случилось, попросить помочь.

Сейчас уже неважно, что он себе вообразит или подумает, будет ли смеяться над ней. Пусть смеется, все равно помощи ждать больше неоткуда.

И действовать, а не бегать по квартире взад-вперед, кусая ногти.

Наконец поняв, что она решилась, Влада кинулась собираться в дорогу. Выпила стакан холодного чая – разогреть чайник все равно было некогда, в хлебнице нашелся прикрытый блюдечком засохший бутерброд со свернувшимся в трубочку ломтиком сыра.

Несмотря на жаркий день, бежать на улицу с яркой повязкой на колене ей не хотелось. Раз уж не удастся снять – так хоть надеть джинсы вместо юбки. Влада так и сделала, но, бросив быстрый взгляд на себя в зеркало, вдруг вскрикнула от испуга – сквозь джинсовую ткань на колене, как змеи, пролезали яркие нитки, и уже через несколько секунд повязка снова гордо красовалась на колене, уже поверх джинсов.

– Чертовы фокусы, – Влада, рассердившись, подумала, что если эту тряпку снять не удастся, то придется так и идти в школу, вызывая издевки и насмешки одноклассников.

Наскоро написала на листке записку: «Не волнуйся, я уехала за помощью, искать Гильса Муранова», оставив ее под магнитным веселым солнышком на холодильнике.

За подкладкой старой куртки нашла давно бренчавшая мелочь, которая осталась от школьных обедов. На автобус денег хватит.

Самое главное теперь – чтобы этот адрес существовал.

Глава 3

Пестроглазово

Еще бы немного – и набитый пассажирами триста пятидесятый автобус не дождался ее и захлопнул двери.

Влада протолкнулась в самый конец салона, вцепилась в поручень и выдохнула. Сердце колотилось, казалось, что в автобусе совсем нечем дышать. Это нервы, надо успокоиться. Сейчас не до ее срывов, деду гораздо хуже.

За окном замелькали городские улицы, залитые оранже-

вым вечерним солнцем. Позади осталась хорошо знакомая остановка, дальше которой Влада почти никогда не ездила, — узкая улочка, в конце которой притаилось неуклюжее грязно-розовое здание школы.

Через минут сорок автобус выбрался из центра города на окраину — за окном потянулись многоэтажные дома спальных районов, большие торговые центры с яркими рекламными плакатами, зазывающими на школьные базары.

— Московское шоссе, — бормотал голос в динамике, объявляя остановки. — Улица Звездная... Витебский проспект... Следующая — конечная: станция метро Купчино.

Салон уже почти опустел, когда автобус остановился у неказистого приземистого павильона и заглушил мотор.

— Конечная остановка, — обернувшись в салон к оставшимся пассажирам, громко объявил водитель. Он достал откуда-то бутылку кефира и принялся за нее, заедая каждый глоток куском батона.

Человек пять встали и пошли к выходу, но Влада осталась сидеть.

«Вторая конечная остановка, мне нужна вторая...» — билась мысль у нее в голове.

Она так нервничала, что сейчас ее высадят, и она не доедет до Темной аллеи, что вцепилась в сиденье до боли в ногтях.

— Я сказал — конечная остановка, — громко гаркнул водитель. — Все люди вышли? Эй, вы двое, — окликнул он двух

очкариков, по виду – студентов, которые увлеченно читали какой-то замусоленный конспект. – Выходите, конечная.

Очкарики очнулись, вскочили с мест и, заплатив за проезд, вышли.

«Ну все, – подумала Влада. – Наверное, этот Гильс Муранов пошутил... А ты, дурочка, рванулась ехать по придуманному адресу».

Кроме нее, в салоне оставались еще трое ребят в зеленых куртках, которые явно не собирались никуда выходить, и Влада отчаянно решила, что подождет, пока их начнут выгонять.

Водитель тем временем, встав из-за руля, прошелся по салону. Это был здоровенный детина в фуфайке, с кожаной фуражкой на голове, с грубоватым лицом, напоминающим загорелую, небритую и нахальную картофелину.

– Конечная остановка, – повторил он, повысив голос. – Люди выходят...

– Нам дальше, – подмигнув водителю, сказал один из ребят.

Тот кивнул и уставился на Владу, которая прижалась спиной к сиденью и напряглась как натянутая струна.

– Мне... мне тоже дальше, до второй конечной... – прошептала она, судорожно вздохнула и зачем-то ляпнула: – Я к Муранову, в гости...

Шофер внимательно посмотрел на нее маленькими поросячьими глазками, приподняв густые брови.

– Ах, вот оно что... А что так нервничаем-то? Не к волкам едешь...

Влада разжала онемевшие пальцы, заметив, что следы от ногтей впечатались в кожаное сиденье.

Автобус тем временем рванул вперед с какой-то совершенно ненормальной скоростью. Перед глазами замелькали деревья, огороды за разноцветными заборами, серым пятном показался впереди узел из переплетенных дорог с виадуками, кажется, такие называются – развязки...

Только это была не просто развязка, а какая-то каракатица, которую скрутил приступ, – она была переплетена так, что пришлось вцепиться в поручень, чтобы не слететь с сиденья, пока водитель лихо выкручивал руль. Компания в зеленых куртках с восторгом улюлюкала, будто это были веселые аттракционы.

Пока автобус трясло по разбитой асфальтовой дороге, Влада мысленно сочиняла речь для Гильса Муранова:

«Извини меня за то, что я тебя не пригласила. У нас дома был такой беспорядок».

Ну да, после чего он решит, что она неряха.

«Я хотела тебя пригласить, но Царевы уже бежали ко мне, и я...»

А вот после этого он решит, что она трусиха.

Как странно, раньше-то ей было все равно, кто из мальчишек про нее что-нибудь скажет, – одноклассники либо не замечали ее в упор, либо подсмеивались, хотя Влада так стой-

ко переносила насмешки и с таким каменным выражением лица, что те быстро отставали, – дразнить того, кто не реагирует, было неинтересно.

А вот с появлением Гильса Муранова в ее тщательно защищенном и отгороженном от людей мире что-то случилось. Вдруг стало важно, что он подумает или скажет, как посмотрит своими черными насмешливыми глазами.

Так дело не пойдет, нельзя так психовать только из-за чьей-то внешности.

– Прекрати, это глупо, – тихо вслух отругала себя Влада. – Пусть думает, что хочет. Просто скажу – помоги, позови пса обратно...

Автобус тем временем трясся по разбитой грунтовке через пустырь, на котором в высоком бурьяне проглядывали остовы брошенных машин, – это зрелище выглядело уныло, и Влада очень обрадовалась, когда пустырь закончился и потянулось яркое ровное поле розово-фиолетовых цветов. На дороге замелькали малопонятные дорожные знаки, которых раньше она в городе не видела, – глаз, нарисованный в черном треугольнике с красной окантовкой; перечеркнутое изображение человеческой фигуры; какие-то символы, указатели и стрелки.

Влада успела прочитать на ярком указателе: «Пестроглазово», – поле цветов ярким пятном пробежало мимо, мелькнул сосновый перелесок, начались аккуратные невысокие трехэтажные дома, утопающие в зелени. Автобус выполз на

большую квадратную площадь, застроенную по краям застекленными павильонами, покрутился на ней и встал, с громким фырканьем распахнув двери.

Влада вышла из автобуса по ступенькам, оглядываясь по сторонам и чувствуя себя глупо и растерянно. Мимо нее из дверей выкатилась веселая компания ребят в зеленых куртках, один из них, долговязый юнец с красной челкой, окинул Владу одобрительным взглядом.

Эх, надо было спросить у них, как найти Темную аллею...

Или у водителя – только автобус уже захлопнул двери и отъехал в сторону. Освещенная косыми лучами низкого солнца площадь была пуста – ни прохожих, ни продавцов в павильонах – странно, что так рано все они уже были наглухо закрыты шторами. Да и вывески у них были тоже странными – «Т-предметы на заказ», «Мобильная связь Янволинк», кафе «Упырика», «Кики-шоп»...

С одной стороны за площадью высились верхушки сосен и яркие разноцветные крыши невысоких коттеджей, а с другой – маячили вдалеке крыши девятиэтажек.

Гильс номер квартиры не назвал, получается, что он живет в отдельном доме. Значит, лучше идти туда, а не к многоэтажкам. И надо поторопиться – солнце вот-вот нырнет за деревья.

Влада бросилась бегом в перелесок и скоро зашагала по асфальтовой дорожке, которая, извиваясь между вековыми соснами, бежала от дома к дому. Тени от стволов растяну-

лись в длинные синие полосы, поэтому усыпанная иголками земля была похожа на раскинутую шкуру огромного полосатого ежа.

Зеленый район, ничего не скажешь.

Приятные чистенькие коттеджи с разноцветными крышами и террасами, яркие клумбы с цветами, причудливые низкие кованые заборчики – такие ставят для красоты, а не для того, чтобы отгородиться... После пыльного и душного центра Питера казалось, что воздух здесь можно пить глотками, как настоящую на хвойном отваре прохладную воду.

Район-то замечательный, только вот народу в нем так мало, что дорогу спросить не у кого. Окна занавешены, двери закрыты, в припаркованных кое-где машинах стекла затонированы до черноты. Природа природой, но так можно до ночи блуждать и не найти дом номер три на Темной аллее...

Влада страшно обрадовалась, когда впереди за стволами деревьев замелькало что-то сине-зеленое, направлявшееся ей навстречу. Спустя несколько секунд показалась здоровенная тетка со свирепой физиономией, одетая в застиранный домашний халат. Ее огромные ноздри раздувались, на голове подпрыгивали бигуди, каждая размером с кастрюлю, а на ногах были плюшевые тапки, каждый из которых заканчивался почти настоящей свирепой оскаленной пастью крокодила. Нина Гавриловна рядом с таким существом могла бы смело назвать себя эльфийской грацией и станцевать на одной ножке.

– Извините... Вы не подскажете, где тут Темная аллея? – поравнявшись с местной жительницей, очень вежливо и доброжелательно спросила Влада.

Тетка остановилась, уставив на нее несоразмерно маленькие для такого мясистого лица глазки.

– Грррммм... Балбес в зеленой майке и серьгой в ухе тут не пробежал??! – басом проревела она вместо ответа.

– Н-нет, не пробежал... Не видела... Извините, – на всякий случай добавила Влада.

– Гррххммм...

Влада не успела отскочить в сторону, оказавшись на пути. Тетка толкнула ее так, что пришлось лететь кубарем, приземлившись на ладони, в которые сразу же впились сосновые иголки.

– Зачем же толкаться-то! – возмутилась Влада, но тетка была уже далеко – только широкая спина в сине-зеленый горошек раскачивалась, удаляясь прочь с неповторимой грацией.

А вот прямо перед носом у Влады высилась арка, сложенная из огромных замшелых валунов. В арке болталась кованая калитка, на которой поблескивала медная табличка с красиво гравированной надписью:

Темная аллея, дом 3

Над аркой в верхушках сосен маячила остроконечная

башня из красного кирпича, которая венчала большой старый особняк со стрельчатыми окнами. Ну или современный коттедж, который хозяева постарались сделать похожим на старинный замок. Вокруг дома обегал кованый забор, украшенный зубастыми рожами и устрашающими чудищами, похожими на пауков.

«Вот ты его дом и нашла, – мысленно поздравила себя Влада. – Что говорить-то будешь? Пригласи меня на чай? Да, смешно...»

Калитка, заскрипев, пропустила Владу в заросший папоротником тенистый двор, через который к крыльцу бежала узкая каменистая дорожка. Внутри дома явно кто-то был – из приоткрытых окон доносилась музыка.

Влада несмело поднялась по широким каменным ступеням к двери, вид которой мог отпугнуть кого угодно – с нее на Владу уставилось не меньше десятка устрашающих металлических рож.

Ничего похожего на звонок видно не было – но можно было догадаться, что для привлечения внимания хозяев на двери висит медное тяжелое кольцо – им только надо постучать по двери... Влада так и сделала.

Музыка в доме сразу же стихла, а Влада замерла, не дыша и чувствуя, как к щекам приливает кровь.

Чертовы нервы, да еще и не поела с утра.

Лязгнув, дверь отворилась, но на пороге показался совсем не Гильс Муранов, а лохматый босой юнец лет пятнадцати,

в шортах цвета хаки и зеленой помятой футболке. Он жевал пирог, капая начинкой из варенья на пол, хотя это его совсем не расстраивало. В ухе у паренька болталась серьга с блестящим зеленым камнем, а растрепанные русые волосы до плеч были гораздо светлее его загорелой физиономии, причем физиономии настолько нахальной, что Влада поперхнулась подготовленными словами.

«Точно – балбес. С серьгой, – подумала она. – Это его ведь тетка в халате искала...»

– Привет, темноглазка! – неожиданно выдал лохматый парень, меряя гостью глазами от подошв до макушки. – Ты ко мне?

– Нет, я к Гильсу... Гильсберту Муранову, – напряженно выпалила Влада, решив не заострять внимания на фамильярности лохматого балбеса.

– Егор! Кто там пришел? – завопил чей-то голос из дома.

– Это моя мамочка! – трагическим голосом выкрикнул парень. – Спасите меня, помогите, А-А-А-А!

Изнутри раздались невнятные крики и восклицания, что-то зашуршало и зашелестело, что-то грохнулось, и послышались ругательства.

Балбес, довольно улыбаясь, прислушивался, пока все не затихло.

– Чего-то никто меня не спасает, – ухмыльнулся он, с удовольствием разглядывая Владу, будто та была картиной на выставке. – Так ты кто мне, надеюсь?

– Нет, я же сказала, что к Муранову, – начиная терять самообладание, быстро повторила Влада.

Парень продолжал смотреть на нее, склонив голову набок, задумчиво жуя кусок пирога и капая ягодной начинкой теперь уже на футболку.

– Гильса нету дома, я за него. Проходи.

Влада хотела было так и сделать, но передумала.

Вид у парня с кошмарной серьгой в ухе был слишком уж нагловатый и бесшабашный. Рассчитывать, что здесь, в этом доме, кто-то будет помогать ей и ее старому деду, было не просто глупо – это можно было назвать полнейшим идиотизмом.

– Нет, я лучше пойду, – пробормотала она с упавшим сердцем, делая шаг назад. – Я, наверное, зря приехала...

Вдруг где-то за деревьями снова раздались громовые шаги, верхушки сосен закачались.

Реакция лохматого была молниеносной – он схватил Владу за руку, втащив в полутемную прихожую, и, вполголоса ругаясь, начал возиться с тяжелым засовом.

– Ег-о-о-ор! – разнесся отдаленный зычный рывк, и тяжелая дверь задребезжала.

– Это моя маман, она сегодня злая из-за канарейки и тапок... – раздался в темноте шепот. – Так что на улице лучше не стоять. Проходи, я говорю.

– А что случилось с канарейкой и тапками?

– Да ничего особенного. Стали лучше, на мой взгляд... –

В полутьме послышался смешок.

– А сюда она не...

– Нет, сюда не войдет. Этот дом она слишком уважает. Пошли, чего мы тут стоим.

Парень быстро повернулся к ней спиной и зашлепал босыми ногами по паркету, а Влада нерешительно двинулась следом. После темной прихожей глаза ослепило закатное солнце, которое глядело прямо в огромные остроконечные окна просторного холла.

Надо же, как хозяйева дома любят черные и багровые цвета.

Черный длиннющий диван, который загибался загогулиной на бордовом пушистом ковре, блестящий чернокаменный пол. Точно такой же сверкающий черным зеркалом потолок, – в котором отражалась вторая такая же комната, только вверх ногами.

Владу восхитила лестница, которая веером вела на второй этаж, – как, наверное, здорово было скатываться с ее широченных деревянных перил и приземляться прямо в центр ковра! У подножия лестницы на полу стояли раскрытые дорожные сумки, из которых выглядывала одежда и тетрадки. Все, что в сумки не влезло, валялось рядом – книги, толстые тетради, ручки с карандашами, яблоки в целлофановых пакетах.

– Да, готовимся к отъезду, – сообщил лохматый парень, проследив за взглядом Влады. – Кстати, я Егор, лучший друг Мурановых. А зачем тебе Гильс понадобился? Вообще, он

по делам ушел...

– Понимаешь, Егор... Нужен он мне, – не найдя подходящих слов, неловко выдавила из себя Влада. – То есть нужна его помощь... нет, просто его совет, – окончательно запутавшись, она смутилась и замолкла.

Вдруг тяжелая черная бархатная штора у окна всколыхнулась. Из-за нее осторожно выглянула девица в кокетливых шортиках и маечке, такая миниатюрная, что едва доставала лохматому парню до плеча. У нее был остренький вздернутый носик и карие глазки с огромными ресницами, которыми она хлопала, как двумя веерами, а волосы рассыпались по спине множеством тоненьких зеленых косичек.

– Дурацкие шутки! – напустилась на балбеса девица. – Я чуть не слилась по трубам с перепугу! Марик-то где?

– Марик туточки, – послышалось из дальнего угла, где темнела ниша огромного камина, сложенного из грубых камней.

Из ниши выползло что-то большое и толстое, отплевываясь от пыли и сажи. «Оно» поднялось с четверенок и оказалось подростком-увальнем с рыжими длинными волосами и крупными передними зубами, что делало его похожим на гигантскую говорящую белку. У рыжего были розовые, как яблоки, щеки, а за толстыми стеклами очков блестели пороссячи глазки.

Яростно фыркая и чихая, он отряхивал от сажи свою майку цвета «взрыв в тропиках» и растянутые на коленях тре-

нировочные штаны.

– Я никогда тебе этого не прощу, Бертилов, зараза, – начал он наскакивать на Егора. – Споткнулся о мангал, в нем сажа, а у меня аллергия на нее... и на твою мамашу тоже. Что ты, что Муранов – шуточки ваши невыносимые...

– Марик, ты полегче про Муранова, все-таки он мой друг, – предупредил Егор и кивнул на Владу: – Вот, к Гильсу гостя приехала.

Толстяк наконец-то заметил Владу и спохватился, безуспешно пытаясь одернуть майку на выступающем пузе.

– Марибор Уткин, – представился он, с любопытством щурясь подслеповатыми глазками из-за толстых очков. – А как тебя зовут?

– Влада... Огнева Влада.

– А я Дрина Веснич! – улыбнулась девица с зелеными косичками, протягивая руку с длинными зелеными ногтями. – Ты подружка Гильса? У тебя на коленке что-то подозрительно знакомая тряпочка! Ты мне все-все расскажешь, да?

Влада только кивнула головой – девица говорила очень быстро, громко и энергично. Даже как-то слишком – в разговоре с такими людьми даже слово-то трудно вставить.

– Да мне нечего рассказывать, – честно призналась Влада, пытаясь погасить громкое любопытство Дрины. – Мы с ним поговорили всего раза два... Но после этого возникла одна проблема.

– Только одна? – рассмеялся лохматый Егор. – Странно,

обычно бывает больше. А что стряслось-то?

– Это очень долго рассказывать. Гильс такой человек, понимаете, он соседа очень разозлил...

– Человек? – удивился и нахмурился Егор. – Ах, вот оно что... И что он сделал?

Путаясь в словах, Влада начала сбивчиво объяснять, что произошло, потом выдохлась и почувствовала, что глаза как-то режет, а фигуры всех троих ребят вдруг стали расплывчатыми и задрожали.

– Извините, Гильс меня сюда не звал, – голос предательски дрогнул, и Влада поспешила отвернуться. – Но... Я не знаю, что делать.

Она запнулась и замолчала, вдруг почувствовав соленый вкус во рту. Еще не хватало разреветься прямо на глазах у этих веселых и беззаботных ребят.

– Так дело не пойдет! – вдруг радостно гаркнул ей на ухо Егор, нагло ватно приобнял за плечо и объявил: – Первым делом – ужин. Ужин завтрака мудренее, сам придумал...

– Да не могу я! – с досадой начала Влада. – Мне домой надо, понимаешь?

Но Егор не понимал.

Пришлось отнекиваться, упираться, пока она не оказалась в просторной столовой за столом длиной, как показалось Владе, в километр.

То, что сейчас в этом доме царят подростки-раздолбаи, было видно – на полу у стены громоздилась гора немыто-

го фарфора, в тяжелой серебряной вазе посреди стола сохли огрызки яблок, а на шелковых темно-красных шторах были отчетливо видны отпечатки чьих-то жирных пальцев.

Ребята принялись готовить бутерброды, нарезая сыр и колбасу, а Дрина вдруг кинулась к окну.

Влада оглянулась, увидев на каменном подоконнике огромную трехлитровую банку с зеленовато-мутной водой. В ней плавало нечто похожее на медузу, только вот там, где у медуз купол, просматривалось полупрозрачное маленькое личико, искаженное злостью, а вместо щупалец шевелились крохотные ручки. Дрина быстро задернула штору, скрыв за ней банку, но Влада успела заметить, как полупрозрачные ручки-ниточки сжались в кулачки, и на нее с яростью глянули два рыбьих, но при этом осмысленных глаза.

– Уже солнце садится, а в дальних домах окна не горят, – увидев настороженный взгляд Дрины, заметила Влада. – Электричество в районе отключили?

– Ой, блин! – Егор, бросив нарезание колбасы, принялся копаться в ящиках стола, отодвигая их один за другим. В конце концов, он выудил пластиковую зажигалку и толстую свечку, зажег ее, водрузив на блюдечко посередине стола, и отблески огонька весело заплясали на стенах столовой, отражаясь в посуде, оконных стеклах и очках Марика.

– А все-таки, почему ты решила, что именно Гильс может помочь? – начал расспрашивать Егор. – Может, и я сгожусь чем?

– Ты? – Владе пришлось вежливо улыбнуться, чтобы сгладить неловкость от невежливо-удивленного тона, с которым вырвалось это слово. – Нет, я думаю, что ты – вряд ли... Тут только чудо поможет.

Она успела заметить, как Дрина кинула на Егора лукавый взгляд, а потом быстро опустила ресницы.

– Чудо, говоришь? – Егор горделиво заулыбался, на загорелых щеках появились ямочки. – Люблю это слово.

– Нет, ты не понял, – с досадой произнесла Влада. – Ты просто не знаешь, что за монстры Царевы...

– Это они не знают, что такое монстр Егор Бертилов, – парень подмигнул Владе, начиная веселиться, – тихонько захихикал и Марик, уткнув нос в чашку с какао, и Дрина заулыбалась, наматывая на пальчик одну из своих косичек. – Все, мы едем в город, от соседей я вас с дедом избавлю!

– Да как ты справишься-то с ними? Ты шутишь, наверное?!

– Не шучу. Сказал – сделаю.

Егор серьезно глянул на нее исподлобья.

Надо же, какие у него пронзительно-зеленые глаза... Такого цвета глаз просто не бывает, не может быть, как будто что-то нереальное...

– Но только с условием, что мы все поужинаем, а то я есть не могу, когда рядом сидит голодная девчонка, – добавил парень.

Влада и сама была рада поесть, только, как обычно, стес-

нялась. Но после слов Егора выдохнула и даже положила на стол локти, хотя дед ее за это всегда ругал. Больше уговаривать не нужно было – Влада только постаралась не слишком жадно набрасываться на пироги с ягодами, на сочные сосиски, бутерброды с ветчиной и хрустящие ломтики арбуза, которые Дрина вытаскивала из огромного серебристого холодильника.

Сами гостеприимные хозяева не отличались хорошими манерами – Марик жрал все подряд, запихивая еду руками в огромную пасть, Егор начал коптить на свечке сосиску, а потом они с Мариком дрались на вилках и оба чуть не рухнули под стол. Это был веселый ужин, и Владе вдруг показалось, что именно здесь она всегда и хотела оказаться, почувствовать себя немного свободнее и счастливее...

Вдруг Марик сморщил нос, будто в него что-то попало, и... оглушительно чихнул, подпрыгнув вместе со стулом.

Пламя свечи на столе метнулось из стороны в сторону и погасло.

– О, черт... – с досадой произнес голос Марика. – Пылюка в камине, а у меня аллергия.

Но столовая уже погрузилась во тьму.

Влада собралась было сказать, что в темноте ужинать гораздо интереснее, как вдруг ее пальцы разжались, и чашка с компотом со звоном шмякнулась об пол.

Из темноты смотрели три пары глаз – страшных светящихся глаз.

В них переливался холодный нечеловеческий огонь, броса-
вая отсвет на лица Дрины, Егора и Марика, которые сейчас
казались лицами трех привидений.

Глава 4

Огни в темноте

– Постой! – крикнул чей-то голос. – Не бойся ты нас...

Хорошо, что за спиной оказался коридор, – Влада ринулась туда, натыкаясь на стенки, больно стукнулась обо что-то плечом, потом стена поддалась, провалилась, и Влада, сообразив, что это дверь, быстро захлопнула ее.

Ванная!

Потому что пахнет сыростью и шампунем.

Раз ванная – должна быть защелка на двери. Нашупать защелку даже в незнакомой ванной и быстро ее закрыть может любая девчонка, это инстинкт с рождения.

Кромешную темноту Влада ненавидела, а тут как раз такая и была. В глазах выплывали танец цветные пятна – так всегда бывает, когда быстро становится очень темно.

А потом на кафельный пол легла чуть заметная полоска бледного света из-под двери.

То, чего она испугалась в столовой, сейчас стояло за дверью, светило своими жуткими глазами. Или это сон... Хотя какой уж там сон, когда все так реально, слишком реально, даже запах стирального порошка, от которого щекочет в носу?!

Трое ребят, которые только что веселились в столовой... что с ними произошло в темноте? Как вообще могут у людей ТАК светиться глаза? Это не был отраженный свет, как отблескивают глаза у кошек в темных подворотнях, – нет, их глаза светились сами, будто изнутри...

В плохих фильмах после таких сцен вдруг откуда-то протягивались скользкие щупальца, которые утаскивали несчастного человека куда-нибудь в подвал дома, чтобы там сожрать.

А может, это какой-то фокус, вроде неснимаемой повязки на ее коленке? Какие-нибудь линзы для глаз, а она уже устроила истерику... Хотя пугаться было чего.

Прошла минута, другая, и в дверь кто-то тихо постучал.

– Темноглазка? – настороженно позвал голос Егора. – Ты там живая?

– Ч-что? – не поняла Влада. – Кого ты зовешь?

– Тебя. Я говорю – а ю о'кей? В порядке, живая? Кстати, минус одна чашка в доме Мурановых.

– У меня аллергия на пы... – послышался голос Марика, но его, видимо, отпихнули от двери, судя по удаляющемуся грохоту.

– Ты мне будешь сейчас рассказывать, что мне померещилось? – осторожно начала Влада.

– Уфф... Нет, не буду, – отозвался Егор. – Ты приехала в дом к нечисти, хотя даже хуже – в район к нечисти... Понимаешь?

Нечисть, что уж тут непонятного.

Перед глазами пронеслись рога, хвосты и дьявольское хихиканье с какими-то котлами. Как-то не вязалось это с загорелой физиономией Егора, с тренировочными штанами Марика и огрызками яблок в серебряной вазе.

– Я не понимаю. Нечисть – какая еще нечисть? Вы черти, что ли?

– Ой, не смей меня, – хихикнул Егор и поскреб ногтем дверь. – Марик – упырь... Дринка – кикимора. А я, насколько я себя помню, с утра был троллем...

– Так... – Влада судорожно вздохнула. – Троллем, значит. Угу. А Гильс – он тоже... нечисть?

– Даже не сомневайся... – Егор за дверью тихо рассмеял-

ся. – Еще какая нечисть, хотя нас еще называют пестроглазыми. Ты знаешь, мы с людьми не очень часто общаемся... Я вообще не понимаю, зачем Муранова понесло к вам в город.

Влада вспомнила, что впервые увидела Гильса, когда в их дворе уже стемнело. Он пришел в темных очках, и теперь стало понятно, почему.

– погоди, Егор, я сама ей объясню и успокою! – затараторил голос Дрины. – Мы тебе зла не причиним!!! Это предрассудки, что нечисть гоняется за людьми, у нас своих других дел полно, учеба в МУНе, например!

– В МУНе?

– Международный университет нечисти, понимаешь? Хочешь посмотреть на мой студенческий билет? Сейчас просуну под дверь! Только на фотографии не смотри на прическу, там неудачно!

Под дверью ванной что-то зашуршало.

Надо же, тупить могут, оказывается, не только люди, но и нечисть.

– Тьфу, Дрина! Она не видит в темноте! – возмутился за дверью Егор. – Где у Мурановых фонарь был и батарейки?!

Где-то в недрах дома послышалась возня – начались поиски фонарика. Скрежетали по полу ножки стульев, что-то гремело и позванивало. Потом Егор объявил, что полез на антресоли, и сразу же послышался грохот и вопли – Марику на ногу упал утюг. По звукам, которые издавал Марик, Влада смутно догадалась, чем упыри могут отличаться от людей.

Продолжать сидеть в ванной в компании стирального порошка, да еще в кромешной темноте уже совсем не хотелось.

Влада, немного подумав, открыла защелку и толкнула дверь, осторожно выглянув наружу.

В темноте заметался тусклый луч света – ребята все-таки отыскали фонарик, и теперь Егор боролся за то, чтобы он не потух.

– Мурановы могли бы и позаботиться заранее, – ворчал Егор. – Если к ним внезапные люди приедут. Этой штуки хватит на пять минут, не больше.

– Ты действительно тролль? – переспросила Влада, глядя, как Егор стучит фонарем о квадратное загорелое колено и ругается.

Парень на секунду замер, потом фыркнул, отбросив фонарь, и тот покатился по полу, высветив каменный черный плинтус, кое-где затянутый серебристой паутиной.

– Он тупой тролль, – хихикнула Дрина. – Ну ты даешь, Бертилов... Раньше не подумал?

– Ах, я тупой? – оскорбился Егор, щелкнул пальцами, и... стены коридора ожили, задвигались, загорелись мерцающими огнями.

Влада, как зачарованная, застыла, не в силах оторвать взгляд от огоньков, хотя каждый из них светился на спине огромного лупоглазого жука, который деловито топал лапками по шершавой каменной стене.

Дрина вскрикнула, и жуки со стрекотанием начали сры-

ваться с места, чтобы пролететь как можно ближе от ее носа.

– Жукии-и!!! – вопила кикимора. – Убери это, Бертилов!!!

– Так я же тупой, я не помню, как... – пожимал плечами Егор. – Тупой ведь?

Троль только посмеивался, потирая руки, и вот вслед за жуками по стенам запрыгали светящиеся ящерки, поползли змеи с фонариками на хвостах. Кажется, парень поочередно умудрился вспомнить всех-всех существ, которых страшно боятся девчонки, оставив напоследок огромного кузнечика.

У Влады к тому моменту наступил настоящий ступор, и она даже не шелохнулась, когда лупоглазый кузнечик с хихиканьем прыгнул прямо Дрине на голову и запутался в ее зеленых косичках.

Раздался визг – чудовищный, разрывающий барабанные перепонки.

Марик вдруг заухал по-совиному и кинулся на стену, раздался треск, и по коридору заметались черные кожистые крылья.

Кикимора визжала, мотая головой и размахивая руками, а Влада, упав на колени, зажимала уши руками и, кажется, уже кричала сама...

* * *

Часы пробили пять раз.

Влада пересчитала их удары сквозь сон, а потом открыла глаза и обнаружила себя лежащей на диване – ноги укрывал леопардовый пушистый плед, под голову кто-то заботливо положил черную мягкую подушку.

Она была в гостиной в доме Мурановых.

За окнами была чернота, но глаза слепила настольная зеленая лампа, которая беззвучно парила в воздухе над диваном, топорща полупрозрачные крылышки, то поднимаясь повыше, к потолку, то спускаясь вниз.

Опять тролльские выкрутасы, но на этот раз хотя бы без насекомых.

В ушах до сих пор звенело, будто в них застрял маленький, противный и очень фальшивый оркестрик.

Ну да: визг Дрины, его и вспоминать-то жутко. Влада даже дотронулась до ушей – к счастью, они были на месте, не отвалились.

– Дрина, ты убийца, – слышался шепот Егора. – Тебя за это сошлют в подземелья гоблинов, но я буду сверху спускать тебе упырские пироги на веревочке.

– Не смей меня обзывать убийцей, – отозвался из-за спинки дивана сердитый девичий голос. – Сам дурак, Бертилов, понял? До девятнадцати лет в подземелья не ссылают...

– Для тебя сделают исключение, – пообещал голос Егора.

– Заткнись, балбес! – зашипела кикимора. – Сам-то со своими светящимися тараканами хорош! Повыпендривался перед девчонкой, да? Теперь ее, наверное, в больницу надо.

Я без понятия, как и чем лечат темноглазов.

– Вы бы лучше вызывали скорую ее деду, на Садовую улицу, – шепотом вмешался Марик. – Я сразу заявляю, что был против этой авантюры...

– Какой авантюры??! – вскрикнула Влада, сев на диване и заглядывая через его спинку. – Что с моим дедом???

Все трое ребят, сидевшие на ковре, подняли головы.

– Вот тебе за убийцу! – размахнувшись, Дрина вдруг отбросила Егору со всего размаху подзатыльник. – Я чуть с ума не сошла, идиот! Живая она! Жи-ва-я!!!

Пока тролль, озадаченно почесывая затылок, поднимался на ноги, кикимора уже подскочила к Владе и затараторила:

– Бедняжка, пострадала из-за этого дурака! Ты не волнуйся, с твоим дедом все в порядке, мы отправили ему почтальона!

Влада чуть было снова не оглохла – от охов, извинений, восклицаний и трескотни Дрины. Егор оттащил кикимору за плечи, а сам внимательно вгляделся Владе в зрачки.

– Хорошо же тебя квизгом долбануло, – заметил тролль. – Голова не кружится?

– Чем-чем меня долбануло?

– Квизгом. Мы так кикиморский визг называем. Если вовремя уши не зажать – можно отключиться.

– Да я нечаянно квизгнула! – с вызовом вскинулась Дрина. – Из-за этого балбеса!!! Да еще из Марика летучие мыши полетели...

Как смеются упыри, Влада теперь знала – эти звуки часто вставляют в фильмы ужасов, когда надо озвучить темный лес, полный мертвецов.

– Да, я сбросил немного веса, – похвастал Марик, теперь без труда натянув яркую майку на живот. Заметив недоуменный взгляд Влады, он хмыкнул: – Мало вы про упырей знаете, темноглазы. Скажите спасибо, что в тараканов не развалился, а мог бы, если бы злой был...

– ...но ты не беспокойся, мы уже отправили тебе домой послание, так что твой дед уже в курсе, что ты у нас! – выпалила кикимора.

– Послание? – похолодев, переспросила Влада, уже предчувствуя что-то нехорошее – от этой компании нечисти можно было ожидать чего угодно.

– Только спокойно, темноглазка, – тролль шмыгнул носом. – Мы смотрим – ты после обморока заснула. Ну не будить же. А Дринка говорит – у нее дед дома старый, будет волноваться. Телефона мы не знали, ты только адрес называла. Садовая, дом двадцать, квартира тринадцать. Мы водяного и отправили...

– Водяной – это то, что сидело в банке? – При мысли, что это существо отправилось к ее деду этой ночью, Владе стало нехорошо.

– Да все нормально, – не слишком уверенно заверил ее Егор. – Водяных использовали раньше, чтобы посылать сообщения, когда не было телефонов... Только этот странный

попался – оплевал все, банку разбил, меня за палец тяпнул... – Тролль виновато посмотрел на побледневшее лицо Влады и добавил: – Ну поехали его догонять, что ли...

* * *

Путь от дома Мурановых до площади, где останавливались автобусы, пробежали почти бегом – и если бы тролль не тащил Владу за руку, то она бы полетела кувырком в темноте. Вот когда Пестроглазово оживало – сейчас из темных окон домов доносилась музыка, звучали голоса и смех.

Марик то и дело оглядывался, будто боялся, что мать Егора вот-вот выскочит откуда-нибудь из-за дерева, но все обошлось – автобус, едва ребята запрыгнули в него, почти сразу закрыл двери и поехал.

Пассажиров из Пестроглазово в нем было немного, нелюди и люди вперемежку, – причем многие ехали одной компанией.

Несколько серьезных молодых людей и девушек в костюмах, светя желтыми глазами, раскрыли ноутбуки и уткнулись в них. Забавно, но их глаза светили в полутьме салона ярче, чем экраны ноутбуков.

– Я не могу понять, как такое может быть, – вполголоса сказала Влада Егору. – Почему есть люди, которые про вас знают, а я, сколько жила – не знала ничего. Вы же близко совсем... А если я, к примеру, в школе про вас расскажу?

– Ой, Расскажи, – тролль приложил руку к сердцу. – Я давно мечтал прославиться, Расскажи, что есть такой тролль на свете, Егор Бертилов, умный и красивый. Обещай мне, что Расскажешь.

Влада, улыбаясь, помотала головой.

– Да ну тебя, я же серьезно.

– И я серьезно, – улыбнулся Егор. – Люди вообще так устроены, чтобы не видеть ничего лишнего. Мозги у вас отсеивают все, что не вписывается в то, к чему вы привыкли. А если уж что-то и увидели, так поспят ночку – просыпаются и уже сами себе не верят. Говорят – померещилось... Это защитная реакция – мы проходили реакции и поведение людей не так давно.

– А эти люди, которые с нами едут?

– Эти? – Егор оглядел салон автобуса. – Их жизнь по какой-то причине пересеклась с нами, но, заметь, они же не бегают и не кричат: «Караул, рядом живет нечисть!»

– Но ведь кто-то может взять и прийти в Пестроглазово... Ну или забрести случайно.

– Не-а, – замотал головой тролль. – Не может. Тебя вот пропустили, потому что на тебе нелюдская вещь. – Егор кивнул на колено Влады, стянутое повязкой. – Поняли, что ты приглашена. Не было бы повязки – высадили бы в Купчино. А просто так, пешком, в Пестроглазово не пройдешь – тебя будет разворачивать обратно против твоей воли, будешь ходить кругами, пока не потеряешь силы и не заснешь. Люди

такие места проклятыми называют, а на самом деле – обычные пограничные зоны, чтобы, кто не надо, к нам в гости не лез. Тех, кто на границе засыпает, – тихонечко относят во-сво-яси, и все...

– Не едят? – с полуулыбкой спросила Влада.

– Кстати, о еде! – встрепенулся Марик и полез в карманы куртки. – Я же кое-что припас...

Егор закатил глаза к потолку, а Дрина зажала нос. Упырь долго копался по карманам, потом вытащил сверток, пропитанный настолько кошмарной вонью, что Егор выронил из рук свой рюкзак, и на пол вывалилась стопка тетрадок и учебников.

Пока ребята откашливались и отсаживали Марика с его едой подальше, Влада поспешила их поднять – уж очень ей хотелось рассмотреть поближе нелюдские книги.

– Что – интересно? – лукаво спросил Егор, заметив, что Влада вертит их в руках. – Я вот историю нечисти подтягиваю, когда есть время, – неуд у меня по ней...

– История нечисти? – Влада улыбнулась. – Красиво звучит. А почему у тебя неуд – неинтересный предмет?

– Да как раз очень даже интересный, – Егор шмыгнул носом. – Просто плохо запоминаю даты и имена, а там их столько, что черт ногу сломит... Прикинь – только по войне с Тьмой надо запомнить пять страниц!

– Я даже не слышала о такой войне, – решив не делать умный вид, призналась Егору Влада. – А что это за Тьма?

– Уфф, – тролль наморщил лоб и приготовился к серьезным, явно несвойственным ему словам. – Это плохая нечисть, в отличие от нас, хороших... – Тролль постучал себе кулаком в грудь. – Они хотели захватить весь мир, но им не удалось...

– Жаль, что это было триста лет назад, – вздохнул Марик. – Было бы прикольно посмотреть, что это за Тьма такая...

– Балбес ты, Уткин, – хихикнула Дрина. – От тебя бы ничего не осталось, кроме любопытного носа. Все, кто не успевал убежать от Тьмы, – рассыпались в пыль, так в учебнике написано. Если бы не маги, которые остановили все это, погибло бы все живое.

– Да-да, это я помню... Как семью-то этих магов звали? – силился вспомнить Егор. – Румыны? Нет, не так... Венго, кажется...

– Уфить фафо фыфо, хофь и фяфила фафа уфифка ифифии! – выпалил вдруг Марик, обернувшись и давась чем-то, что отчаянно пыталось спасти себе жизнь.

Дрина показала ему кулак, и упырь отвернулся, чавкая и вполголоса ворча что-то вроде «фрефная фифимора».

– Я не говорил, что не надо учить, – отмахнулся от упыря Егор. – Просто последний год Инферна сама валяла дурака на лекциях, будто ей ни до чего и дела нет.

– Инферна? – переспросила Влада. – Странное имя...

– Да это наша училка истории нечисти, – проглотив то,

что он жевал, добавил Марик. – Вела лекции просто никак. Хорошо, хоть Гильс один умный нашелся, пошел в деканат и объяснил там, что наша историчка – некомпетентный преподаватель.

– Ого, – заметила Влада. – А Гильс молодец.

– Он – Муранов, – пояснил тролль, будто фамилия была синонимом этого слова. Это у них семейное – не бояться ни преподавателей, ни деканатов. Его вызвали на разборки с Инферной в деканат, но я уверен, что Муранов отобьется. Что вампиру упырица...

– Вампиру? – Влада даже подпрыгнула на сиденье. – Гильс что – вампир?!

– Он самый, – подтвердил Егор. – Мурановы – очень уважаемая вампирская семейка, и людей бережет, не боись...

«Вампир, значит, – с упавшим сердцем подумала Влада. – Теперь понятно, почему он так разговаривал с отцом Анжелы... Да и что ему какая-то учительница истории... Про меня можно вообще не говорить».

– Что-то ты загрустила, темноглазка, – хмыкнул Егор. – Хочешь, покажу два зеленых светофора, которые приносят удачу? Во-о-о-он там, видишь? – Тролль кивнул в окно автобуса.

– Где? – Влада принялась вертеть головой, но в темноте где-то далеко вдаль ритмично мигали только желтые огни на перекрестках. – Не вижу...

– Смотри...

Троль повернулся к ней и вдруг приблизился, сделав круглые глаза. Владе на секунду показалось, что Егор собирается ее поцеловать, она непроизвольно отодвинулась и чуть не слетела с сиденья на пол. Троль в последний момент подхватил ее под руки и втащил обратно, радостно хихикая.

– Балбес ты, – Влада сначала возмутилась, а потом рассмеялась, вдруг поняв, кого до сих пор ей так напоминал Егор Бертилов.

Ну конечно же, ее деревянного троллика, который дожидался ее дома на банке из-под йогурта!

Такая же нахальная задорная физиономия, чуточку грубоватые, но правильные черты, зеленые пронзительные глаза. И, самое главное, ей уже начало казаться, что этого оболтуса она знает всю жизнь, просто они надолго зачем-то расставались, а теперь встретились. С ним легко болтать, не надо вымученно улыбаться, чтобы не выглядеть слишком угрюмой, можно не осторожничать со словами, боясь ляпнуть что-то не то...

– Подъезжаем к Купчино, – бесстрастным голосом объявил водитель в динамик.

На потолке салона автобуса вспыхнули тускло-желтые лампы, а глаза Егора, Марика и Дрины тут же потухли и стали как у самых обыкновенных людей.

Глава 5

Тень прошлого

Ранним утром двор был совсем пустой, только дворник вез по дороге тележку, гроыхая ведрами и вполголоса ругаясь на припаркованные на газоне машины.

Прежде чем зайти в подъезд, Влада с тревогой осмотрела окна.

Так, Нина Гавриловна уже и в такую рань шпионит – тюлевые занавески в ее комнате качнулись, и кто-то быстро ото-

двинулся от окна.

От почему-то мокрого каменного пола в подъезде пахло сыростью, в звенящей тишине лестницы сердито жужжали огромные мухи, пытаясь вырваться на свободу через запыленное окно.

Звонить в дверь пришлось долго.

Влада держала палец на пуговке звонка, уже решив, что дед еще спит.

– Темноглазка, если хочешь, я с твоим дедом сам поговорю, – громким шепотом предложил тролль. – Чтобы не ругал тебя.

– Никаких наваждений на деда, ты что?! – ужаснулась Влада. – Он старенький... и он один у меня. Понял?

– Понял, – согласился тролль и тут же рявкнул на всю лестницу: – Чего не открывают-то? Эге-ге-гей! Где злые соседи, а?? Хозяин! Тролль пришел на подмогу, открывай!!!

– Вот как дам сейчас по лбу! – резко сказали из-за двери, она распахнулась и не кто иной, как Гильс Муранов, схватив Егора за шиворот, втолкнул в квартиру.

– Быстро входите и не отсвечивайте! – коротко бросил он, махнув рукой Владе, Марику и Дрине.

Едва Влада оказалась за порогом, как в нос ударила почти невыносимая рыбная вонь. Линолеум в прихожей блестел от разлитой воды, к стене прислонился свернутый в трубку ковер из гостиной – мокрый, он стал из выцветше-красного почти черным.

По полу были расставлены кастрюли и тазики, валялись мокрые тряпки, а Гильс, в повязанном вместо банданы на голове кухонном клетчатом полотенце, собирал тряпкой воду с пола и выжимал ее в один из тазов.

– Ты что... ты что тут делаешь? – изумилась Влада, с трудом заставив себя не грохнуться в обморок от того, что Гильс Муранов моет пол в их квартире. – Что тут вообще творится? Где дед???

– Вот он меня как раз и пригласил, в отличие от одной неприветливой барышни, – даже не посмотрев на Владу, ответил Гильс. – Творится тут потоп, а с твоим дедом все в порядке. Зато с нижним соседом – Львом этим – совсем не в порядке. Это мы ему квартиру затопили, уже дверь ломал, а теперь пошел за полицией.

Гильс выжал мокрую тряпку в таз и, бросив ее на пол, выпрямился и громко позвал:

– Вандер! Ваша Влада приехала! Хватит кормить булкой этого дармоеда!

– Да он молчит, когда ест... – отозвался дед, выходя из кухни с трехлитровой банкой воды в руках. В этой банке на зиму засаливали огурцы, но теперь в ней сидел тот самый водяной, которого Влада видела в столовой у Мурановых. Водяной что-то жевал, умудряясь при этом корчить недовольную рожу.

Дед, увидав внучку, радостно кивнул и постучал по банке ногтем:

– Смотри, Владочка! Вот это чудище мы с Гильсом ловили по всей квартире. Я даже прошлое вспомнил, как гонял упырей по Карпатам, ха-ха-ха...

Влада опешила.

И это вместо упреков, криков, вопросов – почему уехала, где была... И что это он несет про упырей в Карпатах?!

Сейчас дед был чем-то необычайно доволен, даже помолодел – спина больше не горбилась, а давно потухшие глаза сияли.

– А кто эти молодые люди? – поинтересовался он, увидав вошедших ребят.

– Это Егор, Марик и Дрина, познакомься. Они... – Влада запнулась, подбирая слова. – Понимаешь, они...

– Они нечисть, я уже знаю, – кивнул дед и засмеялся. – Почти сто лет я нелюдей не видел, а тут сразу и столько! Один этот водяной десяти болотных леших стоит, ха-ха...

– Водяной в три часа ночи разнес трубу в ванной, – объяснил Гильс, увидав ошалевший взгляд Влады, – и, пока мы его ловили, очень подробно про все ваши подвиги рассказал. Как ты приехала в Пестроглазово, нашла там моих друзей, у которых не было фонарика. Мозгов тоже не было, поэтому они решили поразить тебя кикиморским квизгом и тролльскими фокусами, – Гильс многозначительно глянул на Егора и Дрину. – Молодцы, ребята. Егор, это ведь твоя была гениальная идея – выпустить нашего водяного и послать в эту квартиру? Вы сами себя превзошли.

– Ну моя идея, а что такого? – возмутился Егор. – Я его как почтальона послал. В конце концов, в древности водяные служили нам, разносили послания. А этот чем хуже?

– С днем знаний тебя, любимый деканат! – завопил вдруг водяной, высунув злобную рожицу из банки. – Я тебя вижу, декан, ку-ку!!! Оле-оле-оле!!!

– Этот водяной – унитазный поздравительный, – фыркнул Гильс. – Его мой брат подготовил, чтобы первого сентября послать привет в универ: он каждый год так делает. Бери тряпку, воду убирай!

– Да откуда же я знал такие тонкости... – озадаченно буркнул тролль, скидывая кроссовки, закатывая рукава и принимаясь за осушение гостиной. – Ладно, раз такое дело. Марик, помогай тоже...

Упырь, заухав своим неповторимым смехом, бросился за тряпками, Влада взялась за выливание кастрюль с водой в раковину, а Дрина, сославшись на неподходящий для мытья пола маникюр, забралась с ногами на диван.

Дед, поднимая брызги, мерил гостиную шагами и с восторгом вспоминал, как в восемнадцатом веке водяные, сговорившись, потопили королевский корабль с золотом. Водяной продолжал вопить поздравления для неведомого декана, разбрызгивая воду из банки и воняя рыбой.

– Интересный у тебя дедушка, – шепнул Егор, дернув Владу за рукав. – Он знает про нас, и кажется, уже давно. Могла бы и предупредить.

– О чем предупредить? – Влада с досадой отмахнулась от тролля. – Я вообще не понимаю ничего... Кажется, он переутомился, столько потрясений...

Тем временем дед успел выбежать в прихожую, вернувшись в гостиную со своей старой тростью. То, что в ее рукоятке прячется раскладной нож, которым старик вырезал фигурки, Влада уже и так знала. Только вот на этот раз дед повернул что-то в рукоятке и вытащил из трости длинный, сверкающий серебром и разноцветными камнями меч.

– Вот, ребята, – мой фамильный клинок из серебра! Вы бы видели, как я рассекал им скалы, в которых прятались гоблины! – громко воскликнул старик и вдруг, выпрямившись, взмахнул мечом в воздухе. Раздался свист, и люстра из «чешского стекла» с грузным звяканьем осела на мокрый паркет, взметнув вокруг себя облако клочковатой пыли.

– Ну ничего, заодно и протереть ее можно... – сконфуженно пробормотал дед, поднимая с пола трость и, как в чехол, осторожно пряча туда лезвие меча. – Кххмм, м-да-с...

– погоди, я таблетки тебе принесу, – Влада, отшвырнув кастрюлю в сторону, кинулась к серванту, где стояла коробка с лекарствами.

Старик растерянно оглянулся, оставил свою трость к стене и посмотрел на внучку так, будто она оторвала его от интересного фильма.

– Не надо мне таблеток, – тихо произнес дед. – Я бы кофе выпил – вот он бодрит меня, а то иногда мне начинает

казаться, что я настоящий старик...

– Что значит – настоящий старик?! – Влада вдруг поняла, что сорвалась на крик, и на ее плечо опустилась чья-то рука. Она обернулась – за спиной стоял Гильс Муранов, выжидающе глядя на деда. – Или ты думаешь, мне ничего объяснять не нужно, что в тринадцать лет у людей еще нет мозгов и мыслей в голове?! Или ты сам кто-то из них, из нечисти??

– Твой дед не нечисть, – тихо пояснил вампир. – Он – наоборот.

– Что значит – наоборот?!

– Ванхельсинг – это значит боевой маг. А они живут дольше людей... Я правильно объясняю, Вандер?

– Вполне, можно сказать... – кивнул старик и сел на стул, настороженно поглядывая на внучку. – Извини меня, Владочка. Для тебя это все, наверное, очень неожиданно... Вчера, когда пошел искать пса по дворам, – вдруг натыкаюсь на Гильсберта, он и спрашивает – помните ли вы, Венго, кто вы такой? Помните ли вы пестроглазую нечисть? А они, говорит, помнят вас...

– Венго? – переспросил Егор. – Мать моя троллиха, это не из тех, которых мы по истории проходили?!

– Кстати, я пожаловался твоему великому деду, какая ты невоспитанная девчонка – не пригласила меня на чай, – весело подхватил Муранов. – И я уже второй день болтаюсь вокруг вашего дома по поручению деканата МУНа. Вампиров надо вежливо приглашать в гости, иначе за порог нам не

войти, учти это.

– У нас... чая дома не было, – промямлила Влада, пытаясь собраться с мыслями. – Дед, я не понимаю... ничего... какой Венго, какой ванхельсинг?! Ты же учитель истории... был.

– Огнев – это и есть Венго, только наоборот, – со вздохом выдавил из себя дед. – Я не хотел... жить под своим настоящим именем... Вообще, мне около трехсот лет, кхм...

Пол под ногами у Влады слегка покачнулся.

Это потрясение было посильнее, чем светящиеся тролльские тараканы. Вот так живешь всю жизнь, думаешь, что знаешь своего родного деда, считаешь его пенсионером, старичком... А потом выясняется, что он бывший маг, да еще боевой маг, ванхельсинг...

...и только холод от руки Гильса, лежащей на плече, вернул ее к реальности.

– Ну все, у темноглазки когнитивный диссонанс, – услышала Влада веселый голос Егора. – Когда глаза видят, а мозг отказывается понимать. У меня тоже такое было, когда застал мать с томиком Кастанеды. Чуть с ума не сошел, пока она не пришибла им осу... – Троль почесал затылок и шмыгнул носом, с любопытством разглядывая Вандера Францевича.

– Тот самый Венго, из тех великих магов, которые уничтожили Тьму? – затараторил вдруг Марик, снова безуспешно одергивая майку на пузе. – Неужели вы из них, тот самый??

– Не люблю слово «маги»... – Дед поморщился и тяжело

вздыхнул, снова виновато глянув на Владу. – Правильнее – ванхельсинги, это разновидность магов. Маги-воины, можно сказать... Много веков моя семья уничтожала нечисть, охотилась на вампиров, но в те времена и вампиры жестоко охотились на людей. Не то что нынешние...

Влада украдкой глянула на Гильса – сейчас лицо Муранова выглядело особенно красиво, когда он внимательно слушал, что рассказывает дед.

– Как сейчас помню наше родовое имение в Трансильвании. Наша семья была большой – тринадцать человек, и все прекрасно владели оружием, знали, как выследить упыря в лесу, как подобраться к спящему в расщелине гоблину или защититься кругом от вампира... Моя семья обладала огромной колдовской силой – такой, что любой из нас первые тринадцать лет своей жизни был под незримой защитой. А к четырнадцати я уже умел управляться с клинком, да только у меня душа не лежала к охоте на нечисть. Мне интереснее было поболтать с домовым, побегать по горам со своими сверстниками-оборотнями, поиграть в прятки с юными троллями... Отец и старшие братья ругали меня, да только без толку! Я жил беззаботно... пока Тьма не начала захватывать наш мир.

– А как она выглядела, эта Тьма? – затаив дыхание, спросил Марик. – И откуда взялась? Мы же по истории об этом ничего не проходим, а это так интересно!

– Откуда взялась Тьма, никто не знает и не знал, – дед на-

хмурился. – В моей семье говорили, что появилась нечисть, не такая, за которой мы охотились раньше. Ходили слухи, что все убитые нами, ванхельсингами, за все времена вампиры вернулись обратно в неведомом и страшном облике и привели своих слуг. Их называли умертвиями, и они были невидимы, но стоило им прикоснуться к чему-то живому – и оно мгновенно погибало. Тьма забирала к себе всех, увеличивая свое войско, – и домовых, и троллей, и людей... В тот момент в Румынии жило немало вампиров – Тьма поглотила их, рассыпала в пыль, присоединила к себе... Тогда, впервые со всех времен, нечисть и мы, ванхельсинги, начали бояться одного врага...

– Ух ты!!! – восхитился Марик, глаза у которого стали чуть не больше очков. – Как же тогда было интересно жить! Не то что сейчас! А как эта Тьма выглядела, на что похоже?!

– Я вблизи это не видел, иначе бы с вами сейчас не разговаривал... – Дед нахмурился. – Это было нечто такое, чего даже никто из магов толком не понимал. Оно приходило ночью, и гасли луна и звезды, а собаки по дворам начинали выть, вспоминать не хочется... – Дед добавил какую-то фразу на своем любимом тарабарском языке.

– Но зато ваша семья Венго – они же остановили Тьму, уничтожили! Мы это проходили по истории, точно! – не отставал Марик. – А как, как они это сделали?!

Дед усмехнулся, искоса глянув на упыря, и продолжил:

– Любой маг или колдун может поставить для нечисти по-

рог, но тринадцать магов одной крови – это огромная, страшная сила! Мы окружили Тьму ночью, в лощине, собрав все силы, что у нас были... До сих пор такое количество магов еще не колдовали сразу и вместе, поэтому, вместо того чтобы запретить в той лощине Тьму навсегда, мы сделали иное. Мы столкнули ее куда-то очень далеко, за пределы нашего мира, и это было такое зрелище! Ночью стало светло, как днем, и так было еще много, много дней, до самой осени... Только вот моя семья – все они погибли в ту же ночь, отдали все свои силы... А я вот живу. – Старик провел рукой по лбу, будто стряхивая страшное воспоминание.

В гостиной воцарилось молчание, только тикали часы, да громко капала вода где-то в недрах квартиры.

Влада не решалась ничего сказать – сейчас ее дед был не здесь, а там, в далеком прошлом, его глаза смотрели, но видели совсем не комнату в старой квартире, а что-то совсем другое, далекое и ушедшее.

Да и ей не хотелось ничего говорить.

Вся семья Венго умерла в ту роковую ночь, все, кроме ее деда.

Теперь стало понятно, почему у них нет родственников, и даже некому позвонить по телефону...

Марик вдруг захрипел, невежливо тыкая в деда толстым пальцем.

– Автограф! – взвизгнул упырь. – Мне нужен автограф, вы же историческая личность!!!

– Вандер, я повторяю приглашение от деканата МУНа, – Гильс неуловимым движением ткнул Марика в бок, и тот, ухнув, осел на ковер. – Вы приглашены учителем истории нечисти в наш универ, и место ждет вас уже с завтрашнего дня. Ну и Владу, разумеется, тоже ждут как студентку МУНа, – будто спохватившись и взглянув на Владу, добавил юный вампир. – Ты ведь хочешь... учиться с нами?

– Хо... хочу, – поперхнувшись, выдохнула Влада.

Учиться в далеком и неведомом МУНе, где Гильс, – об этом можно было только мечтать!

Хотя был и легкий укол разочарования – Муранов появился в их дворе не из-за нее, а с приглашением для великого и легендарного мага-ванхельсинга, ее деда Венго, которому нечисть была крайне благодарна за его прошлые заслуги...

Дед покачал головой, нахмутив брови.

– Я не уверен, Гильсберт, и я не могу так быстро принять решение. Все-таки Влада росла среди людей, как она будет среди нечисти?

– Дед Владки вместо Инферны, что ли? – выдал вдруг молчавший до сих пор Марик – видимо, до упыря и это только что дошло. – А что – это отличная мысль!

– Я еще ничего не решил! – громко возразил дед. – Я рад узнать, что про семью Венго не забыли пестроглазы, но жить среди них?! Не уверен, что...

Закончить свою мысль дед не успел – тишину в квартире

разорвал истошный и требовательный звонок в дверь.

– Огнев, открывайте! – потребовал строгий голос. – Откройте немедленно, полиция!

– Явились, – побледнев, дед встал со стула. – Последние дни я сильно жалею, что я не маг...

– Без паники, – успокоил Гильс, похлопав Егора по плечу. – Кажется, у нас есть кому выпендриться и показать, на что он способен.

– Ага, – подмигнув, хохотнул тот. – Самое лучшее, что может оказаться в квартире, когда в нее ломится полиция, – это внезапный тролль! Занимайте места, запасайтесь попкорном!

– Открывайте!!! – В дверь барабанили уже несколько кулаков, а звонок звенел не переставая. – Открывайте немедленно или мы ломаем дверь!

– Быстро все идите в кухню, – начал командовать Егор. – Сидите там и не вылезайте! – Тролль повернулся к Владе: – Тебе повезло, темноглазка, будешь в первых рядах. Беги, открывай!

Влада послушалась, по-девчоночьи сразу почувствовав, что юному троллю очень хочется покрасоваться перед ней.

Она распахнула входную дверь как раз в тот момент, когда кто-то снаружи налег так, что затрещал дверной косяк.

С грохотом в квартиру ввалились трое упитанных полицейских, едва не рухнув на пороге. За их спинами возвышалась строгая худая женщина в форме с погонами и огромны-

ми очками на длинном носу. За ней виднелись мать Анжелы, важная, как надутый пузырь, и Нина Гавриловна с каким-то горшком в руках.

Надо же, и улыбающаяся Анжела маячила за их спинами, а рядом с ней стоял Макс Громов. Наверняка уговорила его прийти развлечься – посмотреть, как Владу с дедом будут унижать.

Отец Анжелы тут же прошел в прихожую, деловито и хозяйски оглядывая квартиру.

– Ну все, теперь в жизни не расплатитесь за ремонт моей квартиры! – заорал он. – Даже вашей хаты не хватит, чтобы долги мне отдать! – Взгляд Льва Михайловича скользнул по Владе. – Собирай манатки и выметайся отсюда, оборванка! А за собаку я отдельно деньги с вас получать буду, поняла?

– Поняла, – спокойно кивнула Влада.

– Погодите, Лев Михайлович, – остановила его худая женщина в форме со строгим узким лицом. – Вы абсолютно правы, но... кхм... будем держаться в рамках. Выселение и задержание должны проходить по закону. Итак...

– Их надо быстрее задерживать! – перебила ее мать Анжелы, ткнув во Владу накрашенным розовым ногтем. – Мы страдаем из-за этой квартиры постоянно! Дед выжил из ума, девчонка беспризорная, волосы, обратите внимание – в тринадцать уже крашеные!

– Сами полиция – а не тем занимаетесь! – неожиданно встряла Нина Гавриловна, воинственно размахивая горш-

ком. — Лучше поднимитесь ко мне — у меня дома развелись крысы, ночью кто-то шастал по квартире, я свет включила — а герань сгрызли! А ведь цвела!

— Вы перегрелись, уважаемая, идите со своим горшком домой, — раздраженно ответила ей женщина в форме, сморщила свой длинный нос и процедила сквозь зубы: — Итак... Мы здесь, чтобы принять меры. — Она скользнула по Владе своими бесцветными глазами, будто та была неодушевленным предметом. — Несовершеннолетняя, родителей нет, опека дедом не оформлена. Девочку определим куда положено.

— Да у них ничего толком не оформлено, — громко загудел толстый полицейский. — Начали искать в архивах — год рождения Огнева повсюду подделан, оснований для проживания в этой квартире у него нет никаких, даже пенсию ему перестали выплачивать, поскольку все его документы липовые. Знаете, какой год рождения у старикана указан в одном из архивных документов? Не поверите!

— Хватит, Воронов, я наслушалась этих баек! — оборвала его женщина в очках и направила свой нос на Владу. — Валя... или как... Вера? Впрочем, неважно... Собери необходимые вещи — тапочки, зубную щетку и полотенце. Теперь о тебе позаботятся где положено.

— А о ней уже позаботились, — раздался голос за спиной Влады, и та, а вслед за ней и полицейские, уставились на молоденького, очень серьезного очкастого врача в белом халате.

У него были черты Егора Бертилова, но голос был совершенно не юношеский, а уверенный мужской баритон.

Владе показалось на секунду, что по прихожей поплыл легкий туман, полупрозрачная дымка, еле видная в воздухе.

– Э-э-э-э... – строго подняла брови женщина в форме. – Кто вы такой?

– Я опекун беспризорных и главный санитарный врач этого двора, Троллев Егор Эммович, – серьезно произнес очкастый юноша, кинув предостерегающий взгляд на дверь кухни, из-за которой раздалось сдавленное хихиканье.

– Мммм... – с сомнением смерив взглядом Егора, промычала женщина в форме. – Сейчас разберемся. Ваши документы, молодой человек.

– Минуточку...

Очкарик наклонился, схватил с лавки в прихожей старую газету и помахал ею перед носом у полицейской дамы.

– Вот, прошу взглянуть, – забубнил скучным баритоном тролль. – Эта квартира принадлежит муниципальной собственности министерства троллестромашгорздрав... Вот подпись министра...

«Егор с ума сошел, – со страхом подумала Влада. – Несет черт-те что, сует старую газету им под нос и называет ее документами... Точно нас всех сейчас арестуют...»

Но женщина в форме и полицейские, разглядывая то, что показывал им тролль, почему-то на полном серьезе перешептывались, переглядывались и кидали на Егора взгляды, пол-

ные уважения и страха.

— Квартира образцовая, участвовала и победила в конкурсах, — продолжал нести полную околесицу Егор. — Постановлением министерства по уборке квартир ей присвоено... звание лучшей квартиры района. Я это, как главный санитар страны и маршал гигиенических войск, ответственно заявляю.

Влада заметила, что очки тролля засверкали золотыми ободками, а на его белом халате вдруг откуда-то взялись погоны с шестью звездочками.

Полицейские, приложив руки к козырькам, встали по стойке смирно.

Женщина в форме, глядя на Егора как замороженная, растерянно спросила:

— Но есть постановление о выселении Огневых, как же быть с этим?

— Огневых не трогать, — отрезал Егор. — В эту квартиру больше не ходить, ее нет! И если вам еще нужны крестики и нолики на погонах, забудьте фамилию Огневых. Все понятно?

— Да, п-п-понятно, товарищ маршал... — запинаясь и побледнев как полотно, пробормотала женщина-полицейская.

Анжела с Максом тупо пялились, будто приросли к полу.

Головка Дрины с зелеными косичками высунулась из-за угла коридора. Она задержала крайне заинтересованный взгляд на Максе, а затем быстро подскочила к нему и легко дотронулась до его щеки острым наманикюренным ногтем.

– А ты пойдешь со мной, – пропела она мелодичным голосом.

– Т-ты к-к-кто? – заикаясь, спросил Макс.

– Дрина, кикимора, – задорно отвечала она. – Слышал про кикимор? Они утаскивают людей в болота! Идем...

Рука Дрины вдруг крепко вцепилась в плечо мальчишки, и тот, как во сне, последовал за ней. Анжела, хлопая глазами, вцепилась в руку мамы, как вдруг на них налетел Марик и принялся издавать звуки, похожие на вопли стаи гусей. Упырь подпрыгивал и насккивал на обеих, пока те не бросились наутек, – Марик покатился за ними по лестнице следом.

– Да вы что, с ума посходили все? – заорал вдруг отец Анжелы, указывая на Егора пальцем. – Я не верю ни единому его слову. Какой маршал, это же проходимец, посмотрите на него!

Он вдруг ткнул Егора своим здоровенным кулачищем, и тролль влетел спиной в стенку с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка.

– Ну все, ты меня разозлил, козел... – Егор, потирая ушибленное плечо, сверкнул зелеными глазами. – А ну смотреть всем на меня! Я сказал – на меня смотре-е-еть!!!

Его голос зазвучал так, что у Влады зазвенело в ушах.

– Собака, говоришь, пропала?! Гавкай вместо нее! Начи-най!!!

– Ч-ч-ч-ч-что... т-т-такое... да к-к-кто он тако... – Отец

Анжелы налился кровью, но вдруг напрягся и... яростно тьякнул.

– Фас! – рывкнул Егор, стараясь не замечать, что на кухне уже кто-то свалился со стула. – Куси тетю, куси!

Лев Михайлович, оскалившись, ринулся на даму в форме с погонами, та завизжала, началась уже полная неразбериха. Полицейские скрутили яростно сопротивляющегося соседа, который продолжал рычать, и потащили вниз по лестнице.

– А у вас что? – подскочил Егор к оторопевшей Нине Гавриловне. – Что – тоже есть жалобы на Огневых?!

– Ав... ва... ква... – показывая трясущимся пальцем на герань, пролепетала соседка.

– Что – канарейка подохла? Достали меня тетки с канарейками! – Егор плюнул в горшок, и поникший стебелек вдруг воспрянул, приподнявшись как пружина, и покрылся листиками ярко-желтого цвета. – Идите на улицу, гуляйте, нечего тут по соседям шастать! Все, граждане? Кто еще остался?! – Егор явно разошелся не на шутку – стоило Владе моргнуть, как на нем уже оказалась форма фельдмаршала с бриллиантовой звездой на лацкане, а на голове – императорская корона, усыпанная сверкающими бриллиантами и изумрудами. – Я спрашиваю, есть еще вопросы к моему императорскому величеству? Кто посмел, я спрашиваю?! Всех лишу званий и погон! Я вам всем устрою!!! Все получают по шапке!!! – громовым голосом орал тролль, увеличиваясь в размерах, пока его макушка не стукнулась об потолок. – Ох, остановите ме-

ня кто-нибудь... Идите отсюда, во-о-о-он!

Полицейшерша, со съехавшими набок очками и сведенными в кучку глазами, вдруг неожиданно хихикнула и поскокала, обмахиваясь пачкой заявлений, как веером, прочь из квартиры.

Следом за ней, пятясь, выскочила потерявшая дар речи Нина Гавриловна с горшком, из которого что-то гнусаво чирикало, раскачивая ярко-желтыми листиками.

Входная дверь с треском захлопнулась, а дом вдруг содрогнулся, будто собирался треснуть по швам.

В ту же секунду из кухни выскочил Гильс, схватил Егора и потащил за шиворот в ванную, откуда тут же донесся плеск воды и яростное фыркание.

– Я его под кран с холодной водой засунул, пусть охладится... – бросил вампир, возвращаясь на кухню.

– Егор... – Влада подошла к ванной и осторожно постучала в дверь, за которой слышался шум воды из-под крана. – Ты как... в порядке?

– Не совсем, темноглазка... – сдавленным голосом откликнулся тролль. – Сейчас лучше меня не трогать, я опасен...

Глава 6

Пауки и крысы

Почти весь следующий час дед демонстративно варил кофе, наслаждаясь тем, что ему можно больше не прятаться. Ну да, теперь-то ему можно этот кофе хоть ложкой из банки есть, когда его вывели на чистую воду с настоящим возрастом и профессией.

Пока он возился с туркой у плиты, Влада рассеянно наблюдала, как Гильс осторожно выпускает водяного из банки

в кухонную раковину – тот пыхтел, пуская пузыри, но в вампира плевать не решился и с ворчанием слился в водосток.

– Вандер, времени на сборы не много, – напомнил Гильс, как только дед допил пятую чашку кофе. – Люди вас не оставят теперь в покое. Вы помните, сколько длится наваждение тролля? Очнется сосед, опомнится полиция...

В этот момент щелкнула дверь ванной, и в кухне появился Егор. Выглядел он как и прежде – лохматым раздолбаем, только волосы и футболка были мокрыми, а в ухе сверкала серьга с огромным зеленым изумрудом.

– Я там у вас наваждений навел немного, – буркнул тролль извиняющимся голосом. – Кафелью цвет поменял, раковину позолотил, с мыльницей поосторожнее – кусается. Но это долго не продержится – луна фазу сменит, и все будет как раньше...

– Вот, я же говорю, – веско заметил Гильс, посмотрев на Вандера Францевича. – Фаза луны сменится – и, если вы не уедете с нами, защитить вас будет некому, мы с Егором будем за пять часов езды отсюда.

– Слишком резкий поворот в жизни, – мрачно, но уже почти без сопротивления в голосе ответил дед. – Слишком резкий... Но работа, преподавание – это то, от чего мне сложно отказаться.

– Выходим через три минуты, – видимо поняв, что дед почти сдался, начал командовать вампир. – До Пестроглазово лучше на такси, оттуда на рейсовый автобус и три часа до

универа. Вещей у вас, как я надеюсь, не очень много? Огнева, тебе долго собираться?

Влада, которая к тому моменту уже была уверена, что если они сейчас же не выбегут из квартиры прочь, то им на голову рухнет потолок или случится еще что-то ужасное, с трудом очнулась от своих мыслей.

Вампир, скрестив на груди руки, критически глядел на нее.

– Почему у людей постоянно ступор, когда надо действовать быстро, – буркнул Гильс, зыркнув на нее сердитыми черными глазами. – Огнева! Собирайся, вы с дедом уезжаете в МУН! Через три минуты!

Собирая вещи, дед копался невероятно долго: тщательно перебирал книги, решая, какую взять с собой, а какую оставить, перетряхивал шкаф, яростно ругаясь на своем тарабарском языке. На антресолях был найден огромный коричневый чемодан, которому было лет сто, и дед первым делом уложил в него фамильный клинок, а только потом принялся укладывать книги и свой стариковский гардероб.

Влада же металась по своей комнате, теряя вещи, и страшно нервничала.

Еще бы, какое уж тут спокойствие, когда вампир с троллем торчат в дверях и с любопытством пялятся, как ты вытаскиваешь из шкафа то, что совсем не предназначено для мальчишеских глаз. Тем более что Егор все никак не мог успокоиться, поэтому свитера и колготки то и дело начина-

ли выпрыгивать у Влады из рук и расползались по комнате, прячась под кроватью.

– Я не могу так собираться! – взвыла она, в конце концов, швыряя в Егора свой полосатый халат. – Прекрати морочить мои вещи!

– Извини, темноглазка, – прижал руку к сердцу тролль. – Я автоматически. Это как у Дринки квизг, понимаешь?

– Так, с меня хватит, – Влада попыталась схватить за хвост важного сине-белого полосатого кота, который всегда был ее халатом, а теперь зашипел и бросился наутек. – Де-е-ед!

– Да? – отозвался старик из недр коридора. – Я уже готов. Ты собралась?

– Я – нет! И не соберусь! Мне нужно пятнадцать минут, но безтроллевых!

Гильс посмотрел на тролля, вдруг сделал какой-то хитрый захват и уволок Егора прочь, хотя тот отчаянно пытался вырваться и ругался на вампирскую силищу.

– Мы подождем тебя внизу, только не нервничай, – кивнул дед. – Не забудь проверить окна и закрыть дверь, ключи ты знаешь где.

Влада, выглянув в окно, увидела, как тролль с вампиром выкатились кубарем из подъезда, продолжая драться, причем Гильс делал это скорее для видимости. В конце концов, оба пересекли двор и скрылись в арке, ведущей на улицу. От сводов эхом отразились их голоса – ребята спорили, как лучше ловить такси. Дед вышел вслед за ними и начал прохажи-

ваться по дорожке туда и обратно, держа в руке чемодан.

Десять спокойных минут в запасе теперь точно было.

Владе очень не хотелось тащить в новую жизнь свой старый портфель, который одним своим видом напоминал школу и наводил тоску.

Тут она вспомнила про дорожную спортивную сумку, которая когда-то принадлежала маме, – сейчас как раз она очень пригодится. Выудив ее из стенного шкафа, Влада осторожно вытряхнула из нее старые и мятые автобусные билеты и фантики от конфет, бережно спрятав их в ящик своего стола. Любой осколок прошлого надо хранить, если это прошлое осталось от мамы.

В сумку полетели вещи – полосатый свитер, белье, теплые колготки на осень... Кинулась в ванную за зубной щеткой и шампунем, нашла любимую красную расческу, которую теряла раза три в день. Схватила с полки и спрятала на дно сумки, в потайной карман, своего деревянного троллика.

Радоваться было некогда – слишком все быстро произошло, можно будет подумать о новой жизни потом, уже в автобусе, по дороге в МУН.

Напоследок позволила себе хулиганский, но очень радостный поступок – сгребла в охапку и запихнула в шкаф уже отглаженную школьную форму. Все равно больше не понадобится!

Раза три перед выходом, ругая себя за мнительность, Влада проверила, выключен ли газ, не забыты ли какие-то вещи.

Ведь теперь неизвестно, когда они с дедом вернутся в эту квартиру. Может, к зиме, на Новый год, может, еще позже – еще неизвестно, когда в этом МУНе каникулы, и есть ли они вообще...

Долго возилась с ключами, закрывая тугой верхний замок, которым они очень редко пользовались, и, наконец, перекинув сумку через плечо, начала быстро спускаться вниз по лестнице.

Вдруг сердце сжалось в неясной тревоге, будто должно было произойти что-то очень нехорошее. Странное чувство, когда есть чему радоваться, даже ликовать, и в то же время что-то не так...

Влада даже остановилась, пытаясь понять, что с ней происходит.

По лестнице разнеслось эхо какого-то невнятного звука, всхлипывания или вздоха.

Влада обернулась – держась за перила обеими руками, будто боясь упасть, выше на ступеньках стояла Нина Гавриловна в домашнем халате. Она снова всхлипнула и шумно высморкалась в носовой платочек.

– Владочка, вы с дедом уезжаете? Что же вы мне не сказали-то?

– Да мы... совсем недалеко, – замялась Влада, досадуя, что не успела вовремя сбежать, и теперь придется выслушивать монолог от соседки.

– А как же твоя школа, деточка?

– Я перевожусь... в другую.

Нина Гавриловна помолчала, потом засунула платок в карман халата и пошатнулась, едва удержавшись на ногах.

– Ой, что с вами? – воскликнула Влада, испугавшись, что наваждение Егора оказалось слишком сильным, и теперь соседке сделалось плохо. Еще этого не хватало: тролль-то наверняка не задумывался, как его штучки влияют на пожилых людей.

– Вызвать вам скорую, Нина Гавриловна?

– Нет, я просто что-то... – Соседка вдруг всхлипнула. – Не стою на ногах. Мне кажется или не кажется... Хотела прилечь, смотрю – в углу окна паук притаился. Ядовитый, как я засну?

«Все-таки Егор перестарался, – подумала Влада. – Ей уже мерещится черт знает что...»

– Так у вас же крысы были, вы деньги собирали, – попыталась она вернуть соседку к реальности. – Вы уже от них избавились?

– От крыс – да. Но пауки гораздо хуже, они ядовитые... Я умру, если он меня укусит.

Подниматься в квартиру к соседке очень не хотелось, но та выглядела очень уж жалко, прическа на голове сбилась на сторону, лицо совершенно серое, будто потеряло все краски... К тому же Нина Гавриловна хоть и одной фразой, но вступилась за них с дедом перед полицией.

Да и одна минута ничего не решает.

– Не укусит он вас. Я сейчас поднимусь и прогоню этого вашего паука, – решительно сказала Влада. – Вы ляжете спать, и все пройдет.

– Спасибо, деточка. – Нина Гавриловна благодарно закивала головой. – Ты добрая, как редко можно встретить добрых людей в нашем мире...

Влада вздохнула и начала подниматься по ступенькам, а соседка, медленно перебирая ногами, двинулась следом.

Дверь в квартиру Нины Гавриловны была распахнута, и едва Влада ступила за порог, как в нос ударил едкий запах лекарств и старого тряпья. Убогая прихожая с коричневыми обоями, заставленная почти до потолка вонючими картонными коробками. На стенах выгоревшие календари давно прошедших лет, с летними пейзажами и котятами. Как же старые люди любят хранить старые вещи.

И еще почему-то сильно пахло мышами – так воняло от клетки с хомяком, которую Влада видела у Полины.

Влада прошла по скрипучему и не слишком чистому паркету в комнату. Хлама в ней было еще больше, чем в прихожей. Одни кружева и пыль, свисающие со шкафов вышитые тряпочки, перевязанные бечевкой стопки газет под столетним круглым столом...

Надо же, однокомнатная квартира, а как человек умудрился ее захламить и сделать почти непригодной для проживания. И такой затхлый воздух, несмотря на открытые окна...

– Он вон там сидит, – пожаловалась соседка, с трудом шаркав следом и кивнув на угол высоченного окна. В углу блестела на солнце паутина, посередине которой деловито возился точно такой же паук, какой сидел и в окне у Влады.

– Этот – точно не ядовитый, в наших широтах ядовитых пауков не водится, – нарочито бодрым тоном знатока заметила Влада и тихо, себе под нос, добавила: – Зато водятся вампиры, тролли, упыри и кикиморы...

– Где тут у меня конфетки для тебя были? – Нина Гавриловна принялась греметь ящиками огромного комода. – Ты убей этого паука, убей...

– Зачем убивать, когда он ничего плохого не делает? Просто прогоню... – отозвалась Влада, с трудом подтаскивая к окну громышающую железом стремянку.

Все-таки старые квартиры с высокими потолками плохи тем, что без стремянки никуда не достанешь. Очень кстати поблизости у стены прислонилась швабра – можно помахать ею перед паучьим носом и заставить незваного гостя убираться восвояси.

Влада осторожно влезла на стремянку, дотянулась до швабры и подняла ее вверх. Было немного странно видеть тот же самый двор, что она обычно видела из окна своей комнаты, только с другой высоты.

Снизу доносились голоса, гулким эхом разносясь по двору. Вот кивает шляпа деда около скамейки, заслоненной ветками кустов.

– Да-да, уезжаем... – поддакивал кому-то дед. – Да, погода просто ужас, согласен. Не понял? Я без понятия, чем поливают канареек, Нина Гавриловна, попробуйте обычной водой.

Влада решила, что она ослышалась.

Она поднялась на ступеньку выше и привстала на цыпочки, чтобы разглядеть скамейку, которую закрывали ветки кустов сирени. Среди листьев мелькало хорошо знакомое платье с цветастыми хризантемами.

Порыв ветра отогнул ветви в сторону, и Влада увидела на скамейке Нину Гавриловну, которая держала в руках зеленый горшок с ярко-желтыми листьями.

– Как жаль, что вы уезжаете, – донесся ее квакающий голос. – Да еще в такую погоду. Теперь так хочется спать, и голова кружится, и в ушах звенит, и в ногах гудит, и...

Влада замерла на стремянке со шваброй в руках.

Если Нина Гавриловна внизу достает деда, кто тогда за ее спиной копается в ящиках комода?

Влада стояла неподвижно, не в силах обернуться и чувствуя, как по спине поползли противные мурашки.

– Что, уже передумала мне помогать? – произнес у нее за спиной тихий голос.

– А? – Влада сделала беззаботный вид. – Да этот паучок испугался уже и сбежал, а я пойду.

– Не торопись...

Влада замерла на месте, судорожно сжав в руке швабру.

Вторая Нина Гавриловна стояла спиной, уже перестав рыться в ящике, но и не поворачивалась лицом.

– Почему мне не торопиться? Меня ждут внизу.

– Тебя они не дождутся...

Раздался тихий смех – фигура медленно повернулась, и Влада изо всех сил вцепилась в поручень стремянки – ногти неприятно скрипнули по железу.

– Что же ты так неосторожна, крошка... – произнесло существо, которое с каждой секундой все меньше походило на соседку, да и вообще на человека. У человека не может быть такого странного лица, серого и шевелящегося. – Тебя оказалось легко заманить в ловушку. Я уже несколько дней поджидаю удобный момент. Думала, ты другая – осторожная и хитрая...

– Кто вы? – прошептала Влада внезапно севшим голосом. – Что вам от меня нужно?!

– От тебя только одно – чтобы ты исчезла, сгинула, умерла...

Существо говорило это с трудом, да и стоять на ногах ему было очень тяжело и нужно было держаться за комод, чтобы не упасть. Фигура будто осела, стала меньше ростом и шире. Что самое ужасное – она начала шевелиться, будто состояла из других, мелких частей. Каждая из них пищала, махала хвостом, глядела на Владу злобными желтыми бусинками глаз.

Крысы!

Только как их много! И все держатся друг за дружку, составляя одно целое, которое вот-вот кинется на нее, на Владу!

«Так, это упырь», – пронеслось в голове у Влады. Она вспомнила Марика – тот тоже чуть не развалился на летучих мышей, когда визжала Дрина...

– Вы плохо себя чувствуете? – Голос предательски дрожал, да и фраза оказалась неудачной.

– По сравнению с тобой – отлично, – злорадно засмеялось существо. – Мне надо тебя убить, девочка...

– Зачем?!

Существо попыталось оторваться от комода и сделать шаг к стремянке, но передумало, слишком рискованно качнувшись и поспешно схватившись за комод.

Спорить с сумасшедшими нельзя, тем более с чокнутыми упырями. Лучше, наверное, кивать головой, соглашаться, выгадывать каждую секунду жизни и искать выход.

– Так трудно менять облик... – вдруг непоследовательно забормотало страшилище. – Нет больше учительницы истории... – Монстр всхлипнул, снова пошатнувшись. По лихорадочно горящим глазам было видно, что ему не терпится добраться до стремянки, но боится развалиться на части.

– Вы – Инферна? – догадалась вдруг Влада, вспомнив разговор с ребятами в автобусе, когда те рассказывали про преподавательницу истории.

– Д-а-а-а... – расплываясь в гримасе, прошипела упыри-

ца. – И не вздумай кричать в окошко – умрешь раньше, чем раскроешь рот...

Влада молча кивнула, изо всех сил напрягая боковое зрение, чтобы видеть двор. Кажется, шляпа деда все еще на том же месте. Гроыхает банка, которую двое мальчишек гоняют по асфальту.

Егора с Гильсом не видно, нет и такси...

– Ты не поедешь туда, куда собралась! – резко выдохнул монстр, в голосе появились истерические нотки. – Не получится у тебя ничего, не выйдет!

«Гильс, я в беде! – мысленно крикнула Влада в отчаянии. – Услышь меня, я в беде! Дед! Посмотри же в окно, я стою тут, а рядом убийца! Да что же вы...»

Теперь упырица несла что-то, но уже неразборчиво. Угрожала, всхлипывала, рычала, и голос ее распался на много тоненьких, пищущих крысиных, которые пытались произносить звуки.

Очень осторожно Влада отвела руку со шваброй чуть дальше, двигая ее по миллиметру назад.

Вот рука уже почти у края подоконника.

Разжала пальцы – швабра, предательски стукнувшись о жестяной оконный отлив, медленно, очень медленно полетела вниз. Раздался звонкий удар об асфальт, и дед сразу же поднял голову вверх.

– Умри-и-и... – почти неразборчиво заверещала омерзительная пасть упырицы, раскрываясь в полете и нацеливаясь

прямо Владе в горло.

Дальше все случилось как-то быстро и одновременно.

Липкие холодные лапки пробежали по руке, которую Влада даже не успела отдернуть, – паук, свалившись сверху, использовал ее руку как трамплин и прыгнул.

По ушам полоснул хрипящий визг сотни крысиных глоток, по полу рассыпались крысы и застучали коготками по паркету, пытаясь снова собраться в одно целое... Мелькнула во дворе черная майка, и почти сразу в комнату из полумрака коридора метнулись два горящих красных глаза.

– Гильс! – жалобно выкрикнула Влада. – Это Инферна! Она...

Вампир крикнул что-то, указав на комок из крыс, и Влада увидела, как потолок комнаты резко почернел, и с него начали валиться огромные пауки, целый дождь из пауков. Они впивались в каждую крысу, не давая ей прицепиться к другим, отшвыривая прочь.

Упырица с грохотом налетела на стол, опрокинув его на бок, на шкаф, откуда, раскачавшись, начала полет ваза с засохшим букетом... Крысы отчаянно дрались с пауками, и по лицу и рукам Влады летели ошметки салфеток, газет и обрывки обоев.

– Инферна, угомонитесь! – жестко крикнул Гильс. – Вы поменяли облик, это же самоубийство для упырей! Вы вот-вот сами погибнете!!!

– Уйди, Муранов! – хрипло прошамкала огромная пасть,

которая раскачивалась на одной ноге. – Не мешай мне, если хочешь жить...

Влада увидела, как Гильс рванулся к ней, оттолкнув то, что оставалось от упырицы, в сторону, но жуткая нога уже сделала молниеносный прыжок, как бросок змеи, – ожесточенно толкнув стремянку.

Закричав, Влада потеряла равновесие, чувствуя, как железные ступеньки под ее ногами стукнулись о подоконник, а по лицу скользят тюлевые занавески.

Лететь вниз с высоты – очень странно.

Это просто несколько секунд, когда нет точки опоры, которая была всегда. Влада зажмурилась, закричала – хрипло и сжалась в комочек в ожидании страшного удара.

Оказывается, разбиваться об асфальт совсем не больно.

Страшно, но не больно.

Задралась юбка – надо одернуть. А то некрасиво как-то лежать в мертвом виде с задранной юбкой... Смешно, но сумка с вещами – была на месте, оттягивая плечо.

В зажмуренных глазах темнота неслась куда-то, будто тело еще продолжало падать вниз.

– Я ее поймал, Вандер, – раздался над головой голос Гильса. – Красиво летела.

Раздалось несколько хлопков – Влада догадалась, что это закрывались дверцы машины. Хлопали окна, кто-то из соседей кричал и звонил в полицию. Затем раздался визг тормозов, толчок и ощущение движения, а вслед удаляющиеся

уже вопли настоящей Нины Гавриловны и гул взволнованных голосов.

В машине тоже было шумно – что-то очень нервно говорил дед, держа Владу за запястье и при этом громко и сбивчиво считая пульс, Егор оправдывался, Гильс просил всех помолчать.

Кстати, он мог бы сесть и рядом с ней, а не на переднее сиденье, рядом с шофером.

– Это была Инферна, та самая, которую уволили... Она прикинулась соседкой... хотела меня убить, – пожаловалась Влада. – За что?

– Солнечный удар у нее, – резко ответил вампир. – Она и так была не в себе, это все знают.

– Она... вернется?

– Нет. Ни один нормальный упырь не рискнет менять облик, теперь она развалилась навсегда.

– Ясно, – Влада всхлипнула. – Я чуть не умерла, пока вы ловили такси! Так долго...

– Я его сразу поймал, только потом долго приводил водилу в чувство, – смущенно пояснил Егор. – Ты как, темноглазка? Сильно испугалась?

– Нет, что ты... Я в полном восторге.

Дед и Гильс сразу же заспорили, а Влада снова закрыла глаза, почти не прислушиваясь и улавливая только отдельные фразы и слова: «Инферна», «распад личности упыря» и «я же вам говорил, быстрее...».

Потом Гильс замолчал, а дед на переднем сиденье принялся громко рассказывать, как лучше группироваться при падении со скалы, если за тобой гонится орда горных троллей.

Очевидно, что дед пребывал в состоянии аффекта, а вот водитель такси был подозрительно спокоен и тихо напевал, игнорируя весь этот дурдом. Тут явно не обошлось без тролльских выкрутасов!

Владу начал бить озноб. Противное состояние: каждый раз так колотило, стоило понервничать, и она схватила себя за локти, пытаясь унять дрожь.

– Тебе холодно? – Гильс обернулся и с интересом поглядел на ее дрожащие плечи.

– Знобит, – нехотя объяснила Влада вампиру. – Это после стресса, бывает. Понимаешь?

– Только не он, – заметил Егор. – А вот я один раз замерз, когда поругался с матерью и всю ночь в январе по морозу в футболке гулял! Ты пока поспи, времени успокоиться еще навалом, часов пять.

– Да... наверное.

Влада закрыла глаза и устроилась поудобнее, чтобы подремать.

Егор, сидящий слева от нее, многозначительно шмыгнул носом, и она готова была поклясться, что жесткий подголовник такси тут же стал мягким и шелковым, а на ее руках замурлыкал пушистый кот.

Часть вторая

Глава 7 Ведьмины круги

– Шесть вампиров, восемь троллей, пять кикимор, девять упырей... – встав со своего кресла и осматривая салон автобуса, громко пересчитывала студентов седоволосая и сухенькая преподавательница, оборотенесса Лина Кимовна. Она

сопровождала автобус до Темного Универа и сейчас находилась в состоянии крайнего нервного возбуждения, тараторя без умолку и тараща круглые синеватые глаза. – Так... Трех троллей не вижу... Не страшно... Главное, новую студентку до места довезти... Вот ведь морока на мою голову... – пробормотала она себе под нос, а затем громко завопила: – Огнева! У вас все в порядке? Влада Огнева!!!

– Лина Кимовна, мы съели ее минуту назад! – крикнул в ответ Гильс Муранов. – Вы слышите это зловещее чавканье?

Егор с Мариком изобразили чавканье во всей красе, скорчив кровожадные физиономии.

– Вы опять за свое! – гневно воскликнула Лина Кимовна. – Огнева – человек, и ей нечего делать в компании таких наглых вампиров, как вы, Муранов!

Произнеся эту отповедь, оборотенесса с вызовом вскинула голову.

– Как это – нечего делать, Лина Кимовна? – весело отозвался Гильс. – В человеке около пяти литров крови, а вы говорите, что нечего!

Оборотенесса растерялась, побледнела и дернула шеей, будто у нее внезапно случился нервный тик. В поисках поддержки она поглядела на Вандера Францевича, который сидел рядом с ней, но тот был абсолютно спокоен и обмахивался шляпой, как веером.

– Огнева! – снова взвизгнула оборотенесса. – Так у вас все в порядке или нет?!

– Да-да, Лина Кимовна! Все просто замечательно, честное слово! – поспешила крикнуть Влада, мечтая, чтобы та, наконец, замолчала и отстала от нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.